Братья Евгений и Яков Хенкины - место в истории

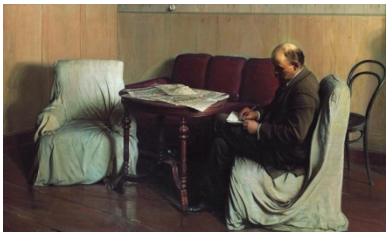
Поразительный пример того, как семейные архивы восстанавливают имена и творчество людей, являет собой история фотолетописи братьев Евгения и Якова Хенкиных. Их имена до недавнего времени вообще не были известны.

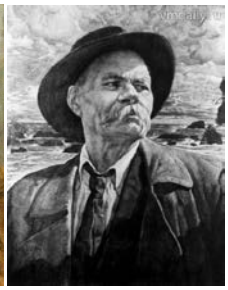
В книге «Таганрогские Сабсовичи и их потомки» [1] я рассказал о представителях родственного нам клана Хенкиных – актёрах Викторе и Владимире Яковлевичах, писателе и публицисте Кирилле Викторовиче, враче профессоре Валентине Львовиче, его сыне враче и писателе Евгении Валентиновиче, основоположнике шахматной журналистики Викторе Львовиче и артисте Киевского театра музкомедии Борисе Аркадьевиче Хенкиных. Там же впервые представлена родословная ветвь Хенкиных, где упомянуты брат и сестра Яков Александрович и Софья Александровна Хенкины, но не нашлось места имени их брата Евгения Александровича, замалчиваемого во всех источниках. Лишь будущий профессор медицины Валентин Львович Хенкин (1901-1978), вспоминая о своей ростовской юности [2], назвал своих двоюродных братьев Женю и Яшу, не указывая их фамилий.

И вдруг 23.01.15 электронное письмо из Лозанны (Швейцария) от Ольги Масловой-Вальтер, положившее начало нашей переписке и дружбе. Ольга – внучка Якова Хенкина и Фриды Хенкиной (урождённой Файн). От неё я впервые узнал о фотографическом кладе, доставшейся ей в наследство от деда Якова – фотографа-любителя.

Мир узнал об этом кладе 30 июня 2017 года, когда Эрмитаж представил посетителям выставку «Братья Хенкины: открытие. Люди Ленинграда и Берлина 1920–1930-х годов». Эту выставку уже назвали «одной из самых необыкновенных в истории Эрмитажа», и она попала в топ-10 мировых выставок этого лета, на 2-е его место [3]. Она не просто открыла имена Евгения и Якова Хенкиных, а сделала их знаменитыми. Отныне об остальных Хенкиных, а среди них есть весьма известные и даже знаменитые люди, возможно, будут вспоминать, как о родственниках тех самых братьев Евгения и Якова Хенкиных.

К их числу не удастся отнести разве что народного артиста РСФСР Владимира Яковлевича Хенкина (1883-1953), которого в СССР знали все, а в наше время о нём напомнили документальным фильмом «Профессия: смехач. Владимир Хенкин» [4]. Его увековечил Исаак Бродский (1883-1939). Кисти И. Бродского принадлежат известнейшие портреты выдающихся личностей: Ленин, Сталин, Керенский, Горький, Троцкий, Зиновьев, Ворошилов, Будённый, Калинин, Фрунзе, Киров, Куйбышев, Молотов, Жданов… [5]. И в этой компании – Хенкин.





Владимир Хенкин позирует Исааку Бродскому, 1913 г. [6]

Спасибо Денису Маслову, разыскавшему эту фотографию.

Что рассказала Ольга Маслова-Вальтер

Заслуга счастливого воскрешения и общественного признания имён и творчества Евгения и Якова Хенкиных принадлежит Ольге Масловой-Вальтер. Это она сохранила этот фотоклад, привлекла к нему внимание специалистов и добилась организации выставки в Эрмитаже. Это её героическими усилиями фотоплёнки, пролежавшие без малого век, сохранены от разрушения, оцифрованы, часть уже сделана достоянием общественности и стала предметом изучения историками. Это она провела и продолжает вести огромную работу по восстановлению трагических биографий братьев Хенкиных после того, как её родственники уничтожили всё связанное с именем Евгения, репрессированного в 1937-м. Страх быть уличённым в связях с «врагами народа», обуявший страну, катком прокатился и по этой семье.

Ольга Маслова-Вальтер. Фото её сына Дениса Маслова

Я ни в коем случае не хочу принизить роль всех, кто помог Ольге. Конечно, она одна не справилась бы с такой масштабной задачей. Но она стоит у истоков этой необыкновенной истории, и благодарная История должна запомнить её имя.

«Моя бабушка Фрида, вдова Якова Хенкина, с 1950-х годов жила в коммунальной квартире на Невском проспекте в Ленинграде, куда она переехала после блокады с улицы Рубинштейна. В середине 1970-х годов туда перебралась я с мужем и маленьким сыном. Комната оставалась нетронутой, и нам достались все находившиеся в ней вещи. Там были сохранившиеся с 1930-х годов баночки, скляночки, увеличители и химикаты. Были там и старые коробки с плёнками. У меня не было сомнений в том, что они были отсняты дедом, Яковом Хенкиным: в каждом доме нашей не очень большой семьи лежали коробки со сваленными в них старыми фотографиями. Долгие годы мы хранили архив негативов лишь «по привычке», так же, как это делала до нас моя бабушка.

Коробки, в которых хранились плёнки. Автор фото - Анна Косьмина

В начале 2000-х годов стало возможным оцифровывать негативы (сохранилось около 7000 кадров), чтобы, наконец, получить ответ на уже волновавший меня к этому времени вопрос – что хранят плёнки деда? Открытия начались уже в процессе сканирования. Плёнка за плёнкой на мониторе компьютера появлялись удивительные и трогательные фотографии Якова Хенкина, рассказывающие о повседневной жизни Ленинграда. И всё чаще попадались плёнки, снятые в Берлине. Наступило время загадок. У нас были лишь скупые сведения о жизни Якова и Евгения. Я знала, что мой дед был инженером и пропал без вести на войне. А о старшем брате деда, Евгении, было известно ещё меньше.

Так что одновременно со сканированием и общением со специалистами по фотографии началась другая важная часть работы – поиски. Я ходила по архивам и паспортным столам, писала письма людям, которые могли помочь в расследовании обстоятельств жизни и смерти деда и его брата. Для меня эта работа стала невероятно важной и очень интересной. Неоценимую помощь в поисках мне оказали центр «Мемориал», центр «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке и многие люди, к которым я обращалась за советом и помощью.

Это почти детективная история, в которой каждая находка приводит к новым вопросам. На большую часть из них ответить пока не удаётся, а на многие ответов никогда и не будет.

Что было известно к моменту открытия выставки в Эрмитаже?

Евгений и Яков родились в Ростове-на-Дону, в 1900 и 1903 годах соответственно, в буржуазной еврейской семье. Ещё через три года родилась их сестра Софья. Отец, Александр Хенкин, был фабрикантом: владел одним или двумя заводами. Родители Евгения, Якова и Софьи ушли из жизни в 1920 году, скорее всего, это была трагическая смерть.

В конце 1920-х годов Яков с женой и маленькой дочкой Галей, моей мамой, перебрался в Ленинград. Инженер-экономист, он работал на советских предприятиях и занимался любительской фотосъёмкой.

В середине 1920-х годов, как удалось выяснить, Евгений Хенкин смог уехать за границу. Он жил в Берлине, недолгое время учился в Техническом университете в Шарлоттенбурге, играл на терменвоксе (возможно, что и на других музыкальных инструментах) и фотографировал, как и младший брат. С приходом к власти национал-социалистов и с нарастанием антисемитизма ему стало опасно оставаться в Германии; видимо, именно поэтому он вернулся в Советский Союз и приехал в Ленинград к родственникам. Здесь примерно год спустя его арестовали и расстреляли как немецкого шпиона.

Яков пережил брата ненадолго: он записался добровольцем на войну и погиб на Ленинградском фронте в 1941 году. Его жена и дочь прошли через блокаду. В Ленинграде с 1920-х годов жила и сестра Хенкиных, проработавшая несколько десятилетий в редакции журнала «Звезда».

Наследие братьев Хенкиных – каким его увидели профессионалы

Александр Китаев (1952 г.р.) – фотограф, куратор, историк фотографии. Член Союза фотохудожников России, Союза Художников России. Автор более 70 персональных и более 150 групповых выставок, проходивших в России и многих других странах, в качестве куратора осуществил 18 выставочных проектов. Автор публикаций по истории фотографии, автор-составитель ряда альбомов и книг. Произведения хранятся в Государственном Русском музее, Российской национальной библиотеке и др. [7].

Ассоциация «Архив Братьев Хенкиных» [8]: «Александр Китаев в 2001 году первым увидел и показал нам то, что хранилось на плёнках, потратив много часов и распечатав две из них. Тогда же он объяснил, что никто не сможет взяться за такую работу и напечатать несколько сотен (тогда ещё не шла речь про тысячи) кадров, что это тяжёлый и очень долгий труд. И вот все эти годы от первых отпечатков до оцифровки всего архива только росло нетерпение и желание увидеть все работы Хенкиных».

А. Китаев: «Ольга Маслова обратилась ко мне с просьбой отпечатать снимки со старинных плёнок, отснятых в довоенную эпоху её родственниками. Я взялся. Дело было трудное – скрученные в рулончики триацетатные плёнки ссохлись, их страшно было выпрямлять – вот-вот всё лопнет, и скукоженная эмульсия с драгоценным изображением потрескается и слетит… Не стану здесь углубляться в технические сложности, не в этом суть. Овчинка выделки стоила, я с этих плёнок сделал сколько-то отпечатков и отдал их хозяйке. Помню, что печатать всё не стал, во-первых трудно, во-вторых – страшно испортить, уж больно хрупки. …На снимках со старых плёнок из архива Ольги персонажи так естественно позировали в костюмах богинь Олимпа, были так свободны и счастливы, что просто из ряда вон. На лицах совершенно нежданное блаженство, которое трудно было даже предположить – ведь съёмки происходили, как я понимал, в годы самого страшного периода в истории нашей страны. А главное – там не было расхожих шаблонов профессиональных фотографов, снимающих профессионалок. В общем, снимки были хороши, и я узнал о прошлом и о фотографии нечто новое».

Рассказывает **Дмитрий Конрадт** – известный петербургский фотограф, член Союза художников России, преподаватель школы "Петербургские фотомастерские". Работы Конрадта хранятся в государственных и частных коллекциях по всему миру и участвовали в коллективных и персональных выставках [9].

«В начале 2000-х годов Ольга сказала мне: «Дим, ты фотограф, а у меня дед фотографировал в 30-х годах, посмотри, есть там что-то интересное. Что с этим делать?».

Я сначала не проявил большого энтузиазма, потому что я не из тех фотографов, которые любят чужие негативы. Но Ольга настаивала, и когда появилась техническая возможность, я стал смотреть и понял, что это страшно интересно. Это были простые

бытовые карточки, но они оказались совершенно завораживающими. Я быстро влюбился и заболел этим архивом.

Видно, что Хенкины – фотолюбители, но любители в высоком смысле этого слова. В 30-е годы в Германии или здесь снимать было не всегда безопасно, поэтому мало людей фотографировало. И при всей увлечённости (и даже советском пафосе некоторых снимков Якова) понятно, что у авторов тогда даже в мыслях не было, что это можно где-то выставлять и тем более печатать.

А это были, как я скоро понял, настоящие произведения светописи. Очевидно, что люди нигде не учились, но у них есть фотографическое чувство. За плечами у них обоих особая визуальная культура. И там есть трепетнейшие снимки.

Фотографии очень качественные и сильные. Надо говорить не только об удивительном совпадении самой фабулы этой истории: два брата, снимают в двух тоталитарных государствах, которые вот-вот вступят в войну. Кроме того, а на мой взгляд, это главное, это ещё и талантливые работы. Я не вижу на этих фотографиях никакого предчувствия. Они не подписаны; это же не газета, где сказано, что «советский народ не ожидает войны», – и мы видим улыбающиеся лица.

Нам даётся возможность увидеть и самим понять, насколько люди боялись. Я, например, вижу там больше безмятежности.

Это наследие хорошо тем, что в нём каждый прочтёт своё. Из этого наследия можно сделать множество замечательных выставок в зависимости от подхода.

Они снимали всё то, что снимает любой нормальный человек в их возрасте: происходящее вокруг, близких, вечеринки, девушек, себя. Сейчас так делают все, но тогда этим занимались единицы.

На фотографиях Хенкиных мы видим, какие люди были на самом деле, что тогда носили, как улыбались. Там замечательные лица, персонажи 30-х годов. Но иногда вдруг я вижу совершенно другой свет в глазах некоторых героев снимков – это лица удивительны тем, что вполне могли принадлежать современным людям.

Мужчина у входа в дамскую уборную, Германия

Женский портрет[1]

В Эрмитаже курировать выставку братьев Хенкиных взялся Дмитрий Озерков, который вместе с владелицей коллекции отсмотрел все 7 тысяч кадров и выбрал из них 142 для экспозиции.

[1] Здесь и далее подбор иллюстраций мой (В.Ф.).

В 2016 году в Лозанне была создана ассоциация «Архив братьев Хенкиных», чтобы привлекать специалистов к работе над коллекцией, организовывать выставки, издавать книги. Следующую выставку фотографий Хенкиных ассоциация собирается провести в Берлине» [8].

«Передо мной была необработанная информация из первых рук, без наслоения толкования специалистов, не отрефлексированная даже авторами. Она не была откорректирована и приведена в соответствие с чьими-то соображениями о том, что и как следует предъявлять зрителю. …Это был лишённый тенденциозности взгляд фотографов, обусловленный, главным образом, личными представлениями о том, что интересно и достойно съёмки. Такая независимость авторов даёт возможность сравнительно объективно взглянуть изнутри на невыдуманную жизнь и атмосферу эпохи и дарит зрителю свободу трактовок.

…Я столкнулся с тем редким случаем, когда за фотографиями стоит сильнейшая многословная история, при этом сами по себе изображения таковы, так задевают эмоционально, что будят воображение, провоцируют сочинительство и становятся текстом сами. Авторы – свидетели и пока ещё не жертвы эпохи безмятежно снимали в основном частный мир накануне мировой катастрофы и личных трагедий, оборвавших жизнь каждого. Но мы – зрители – узнаём об этом только теперь.

Но всё-таки самым главным и удивительным, на мой взгляд, оказалось то, что оба этих никому не известных любителя, не стремясь снимать художественно, оказались настоящими мастерами светописи. …Перед нами образец чистого фотографического искусства. И рождено оно не стремлением сделать искусство, но исключительно даром авторов» [10].

«2 Хенкин 2» - так было принято в афишах анонсировать двух братьев (Д. Озерков)

Рассказывает **Дмитрий Озерков** [11, 12] – российский искусствовед, заведующий Отделом современного искусства Государственного Эрмитажа, кандидат философских наук.

Директор Эрмитажа академик Михаил Борисович Пиотровский Ольга Маслова-Вальтер, её сын Денис Маслов и куратор выставки Дмитрий Озерков (слева направо) открывают выставку. Фото: Алина Циопа

«Мы показываем выставку частных фотографий, приоткрывающую личный взгляд на мир. Из архива в семь тысяч снимков Эрмитаж отобрал 142. Отбор был долгим и сложным. И очень личным, как и сами фотографии. Про личности получилась и выставка: про конкретных людей, живших в Ленинграде и Берлине на рубеже 30-х годов. Про их чувства и эмоции, улыбки и недоумённые взгляды, внезапную радость и лёгкую печаль. Про то, для чего нет точных слов в многотомной истории человечества. Про то, что может сохранить лишь любительская фотография. Этой выставкой мы открываем имена двух фотографов-любителей, братьев Якова и Евгения Хенкиных.

Задача этой выставки и книги ввести их имена в профессиональный оборот и поставить вопрос о значимости довоенной частной фотографии».

На выставке в Эрмитаже. Фото Александра Корякова («Коммерсант», 01.07.2017)

«Мы показываем процесс – воссоздаём лабораторный свет, будто они только ещё высыхают, создаются, некоторые вообще лежат в ванночках, залиты «закрепителем». Мы просим людей вглядываться в снимки — а те, кому не важен процесс, могут посмотреть их на экране. В центре мы создали фотолабораторию, куда любой человек может придти и по договоренности с нами напечатать свои старые архивные плёнки здесь. Мы проводим целый цикл лекций и мастер-классов о том, что делать с домашними архивами фотографий. Нынешняя выставка нацелена на то, чтобы люди поняли значимость плёнок, которые, возможно, лежат и у них дома».

«1920-1930-е годы — это была эпоха жёсткого контроля за изображением. В блокадном Ленинграде запрещалось фотографировать, поэтому происходящее зарисовывали. В 1930-е годы вся официальная пресса – это ретушь, вычищение имён. Поэтому оказалось, что любительские фотографии, неофициальные, сделанные для себя и подпольно, теперь становятся документом эпохи гораздо более подлинным, чем официальные снимки, которые мы знаем. Сейчас мы – и во всём мире такая тенденция наблюдается – выискиваем оригинальные любительские плёнки и пытаемся понять, что происходило».

Рассказывая о выставке, Дмитрий Озерков подмечает удивительные моменты, запечатлённые на снимках. «Вот вратарь ловит футбольный мяч – такой снимок сложно сделать и с современной техникой – не то, что тогда.

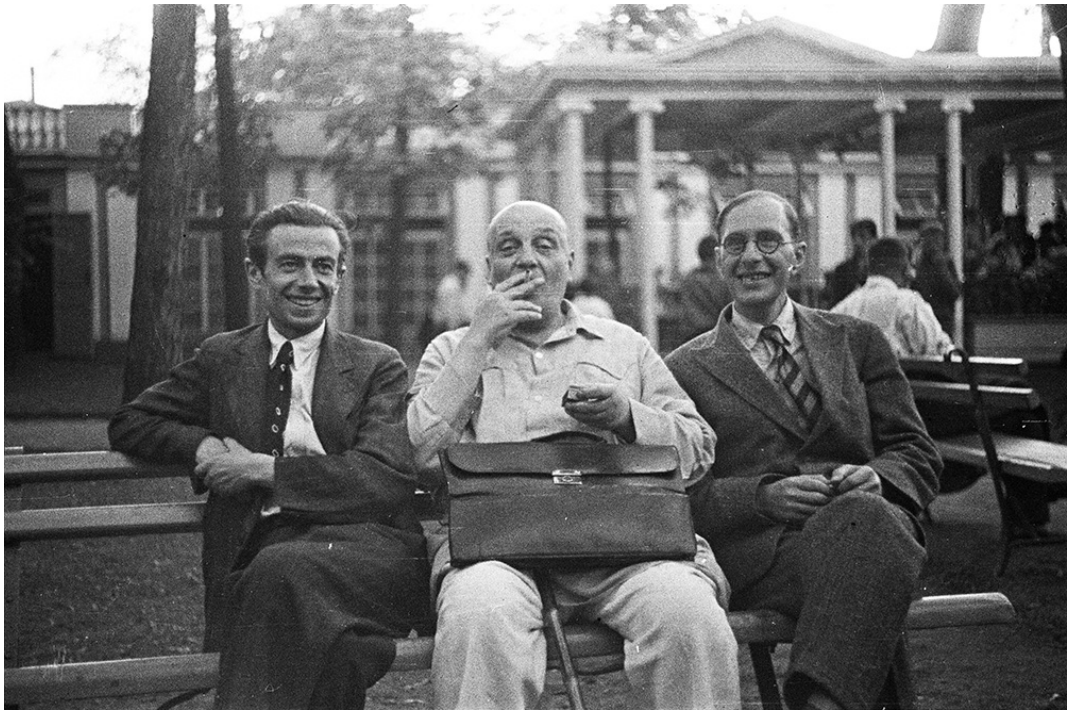
Матч на стадионе им. Ленина (Петровском)

Вот праздничное мероприятие на Дворцовой площади – тогда Урицкого. А вот группа ленинградцев сдает нормы ГТО, и какая-то женщина показывает в камеру язык – кадр невозможный в официальной прессе того времени! Кадр с бабой, показывающей язык, не имел шанса на публикацию и должен был погибнуть как неудачный, неуместный, а то и вредительский. Но время сохранило его, и наш шанс сейчас, в 2017, напечатать его и рассмотреть в деталях».

Групповой портрет. Ленинград

«Снимки Хенкиных – любительские. В них нет художественной и ремесленной непримиримости, идейной непреклонности официального фотоискусства 1930-х годов. …Насколько намеренно рисковал фотограф, снимая «непарадную» действительность?»

«С одного снимка – уже сделанного в Берлине – широкой светлой улыбкой улыбается мужчина. Так улыбались люди и в довоенном Ленинграде. Это улыбка человека, который ещё не пережил войну. У нас сейчас уже немножко другие улыбки».



Улыбки. Ленинград

«В фотообъективах обоих братьев парадоксально проскальзывают одни и те же темы. Марширующие на майской демонстрации по Дворцовой площади спортсмены – это потенциальные солдаты, которые через десять лет окажутся на фронте. В Германии в то же время по улицам строем идут национал-социалисты. Две империи вот-вот столкнутся, но люди на снимках не догадываются, что с ними вскоре будет»,

Праздничная колонна на демонстрации, Ленинград

Нацистский парад в Берлине

Запечатлённые на снимках люди ещё не знают, что спустя несколько лет пойдут друг на друга войной. Снимки по определению невинны, но при взгляде с дистанции времени становятся зловещим предостережением. Немецкие дети уже сидят в песочных кораблях с надписью «Гитлер», возможно, в Вильмерсдорфском парке. А ленинградская спортивная демонстрация ощетинилась штыками винтовок.

Детские игры в парке, Берлин. Корабль по имени Гитлер.

Шеренги, Ленинград

Вначале немцы станут бомбить Ленинград, зажмут его кольцом блокады и доведут до почти полного вымирания. А потом русские возьмут Берлин и изменят его черты до неузнаваемости.

Самой невероятной оказалась последовательность снимков. Перед глазами были не просто отпечатки, но линия жизни: кадр за кадром возникали фотографические образы дней и часов человеческой жизни, отпечатанной причудливым «сценарием на череде снимков». Вот фотограф Евгений Хенкин идёт по берлинскому району Вильмерсдорф, и одна за другой на плёнке возникают уличные сценки и рядовые достопримечательности. Перед домом стоит пожилая пара и улыбается в камеру. Она вышла посмотреть на уличную демонстрацию, и вдруг на следующем кадре мужчина и женщина вскидывают руки в приветственном нацистском жесте! Контраст между улыбкой и зиг-хайлем невыносим из-за физической близости кадров: на плёнке они идут друг за другом.

И тут случилось ожидаемое, но совершенно невероятное: я узнал эти фотографии! Нет, никогда раньше я не держал их в руках. Я узнал не снимки, а изображённое на них: сдержанность взглядов, продуманность жестов, сосредоточенность лиц, собранность тел, открытость улыбок, блеск в глазах. Я увидел внимательность слушателей, уверенность ораторов, азарт футбольных нападающих, мультипликационную размеренность жестов гребцов. На снимках Якова Хенкина я узнал Ленинград своего детства и Ленинград детства моей мамы с любительских фотографий уже из нашего домашнего архива.

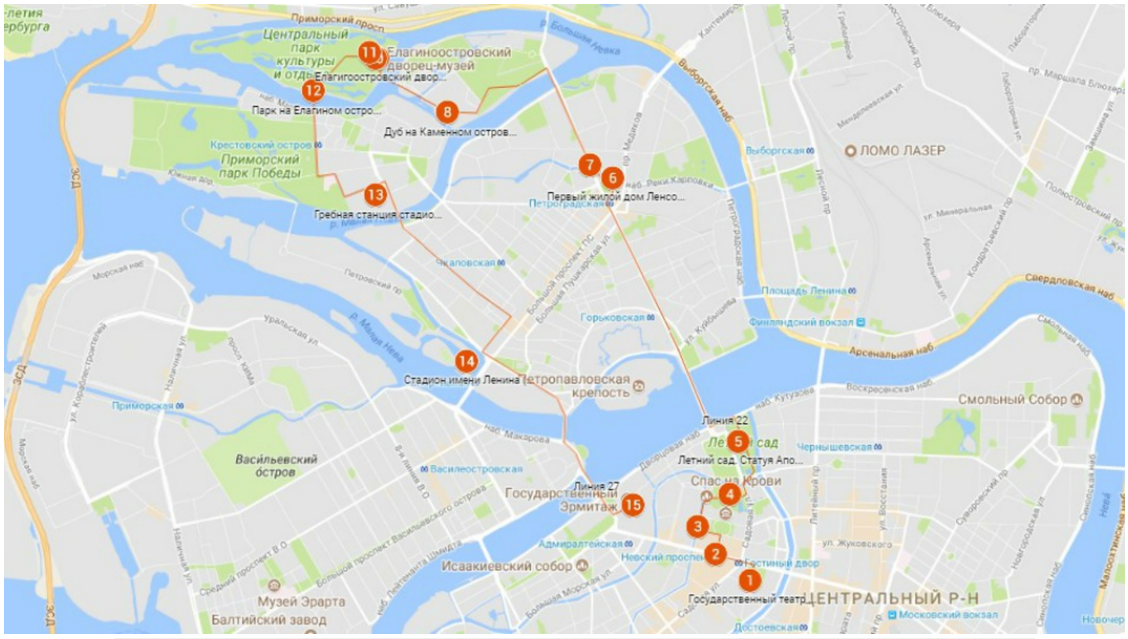
Я останавливаюсь и по памяти достаю одну из фотографий, сделанных не в Берлине, а в саксонском городе Баутцен. Улица безупречно уходит в перспективу, утреннее солнце высвечивает угловой бар, в витрине которого видна афиша сегодняшнего концерта Евгения Хенкина на терменвоксе.

Отправляюсь в путь по длинной Фазаненштрассе: отсюда это самый прямой и короткий путь к Техническому университету в Шарлоттенбурге, фасад которого опознал на фотографии мой университетский профессор Иван Дмитриевич Чечот, лучший специалист по искусству Германии. В Техническом университете, как мне вскоре предстоит узнать, обучался Евгений Хенкин. Вероятно, он не раз проходил по этой улице из Вильмерсдорфа в Шарлоттенбург. Ненадолго отклоняюсь от маршрута, чтоб зайти на угол, где некогда располагался клуб «Remde s»: на одной из фотографий мы видим, кажется, самого владельца клуба, господина Ремде, стоящего перед входом, над которым только что закрепили вывеску и новые фонари. Он смотрит прямо в камеру: возможно, Евгений был знаком с ним? Возможно, сыграл в этом клубе на терменвоксе? Легко преодолеваю несколько кварталов: на месте клуба совершенно новое здание. Как выясню впоследствии, читая об истории Берлина, клуб был разбомблён ещё в 1942 году во время авианалета и перенесён в другое место, а господин Ремде умер уже после войны.

Вероятно, именно отсутствие официального статуса фотографов позволило братьям Хенкиным, Евгению и Якову, выделывать то, что было практически невозможно в те годы. Впрочем, в плёнках Якова есть потенциально «официальные» кадры: кажется, он снимал для какой-то малотиражной газеты или спортивного клуба. Есть здесь и многочисленные однотипные образы соревнований и официальных собраний. Но эти снимки перемежаются подлинными удачами фотографа – чем-то совершенно невозможным для тех лет, когда и в Ленинграде, и в Берлине случайность старательно искоренялась и бралась под контроль. Сегодня эти снимки могут показаться кому-то набором курьёзных сцен из прошлого. Вот участники демонстрации пьют воду из стеклянных бутылок. Вот пары танцуют на траве в парке под неслышную музыку. Неужели снимки вообще не предполагались для печати? Не может быть. Насколько намеренно рисковал фотограф, снимая «непарадную» действительность? Или всё это всего лишь простое соединение случайностей? Всё это ещё предстоит исследовать и осмыслить. Но уже сейчас ясно, что именно из того, что мы сегодня называем случайностями, складывается наше сегодняшнее представление не только о художественном почерке двух братьев-фотографов, но, в конечном счете, и о художественности вообще.

Фотография парадоксальна тем, что представляет собой зафиксированное происшествие, действительно имевшее место. Это особенно справедливо в отношении снимков братьев Хенкиных, которые с удивительным художественным чутьём сохранили лица, виды и ситуации именно как происшествия, как имевшие место события» [6].

«Мы с коллегами из Молодёжного центра Эрмитажа в продолжение темы людей, города, ощущения жизни создали проект, который «выпустит» выставку за пределы стен музея, – рассказывает **Ольга Бузина**, директор по коммуникациям Лахта Центра. – Мы придумали маршрут по Петербургу – по тем точкам, которые были сняты 90 лет назад братьями Хенкиными. По этому пути можно будет пройти и увидеть, насколько город сегодня изменился, стал другим. Мы предлагаем людям сегодня стать немножко Хенкиными» [13].



Прогулка по Петербургу. Или Ленинграду? На карте отмечены 15 локаций, которые встречаются на снимках Якова Хенкина [14]

Выставка в Эрмитаже – какой её увидели журналисты

Избранные места из шквала откликов на выставку в прессе:

«Эта выставка сразу же задаёт своему зрителю вопрос: что он хочет увидеть — фотографию как таковую или разговор о фотографии? Привычнее было бы иметь дело с первым, однако Эрмитаж предлагает иную зрительскую работу: …кураторы решили не ретушировать царапины и утраты, не подгонять снимки под экспозиционный канон, а сохранить некую «архивную» подлинность того, что на художественность и тем более музейность никогда не претендовало. При этом историческим музеем тут тоже не пахнет — подчеркнутая инсталляционность выставочного пространства («мир старого фотографа») и взгляд куратора как художника делает фотографии материалом для авторского высказывания. И авторы тут не только (и не столько) братья Хенкины.

История этого архива не детектив, но вполне себе исторический роман. Вдова Якова Хенкина Фрида после блокады переехала в коммуналку на Невском проспекте. Потом туда переехала её внучка Ольга с семьёй. Коробки с плёнками (наряду со склянками фотохимикатов и деталями старой фототехники) в квартире хранились как память – печатать эти бесконечные рулоны было немыслимо дорого. Какая-то часть была напечатана ещё до войны, при жизни Якова Хенкина, и хранилась в семейных альбомах многочисленной родни. Однако когда технический прогресс и руки потомков дошли до сканирования старых плёнок, оказалось, что кроме тысяч кадров предвоенного Ленинграда имеется почти столько же снимков Берлина ровно того же времени. О человеке, жившем в 1930-х в Берлине, в семье почти не говорили. Из отрывочных воспоминаний удалось собрать следующее: старший брат Якова Евгений (первый родился в 1903-м, второй — в 1900-м) в 1926 году уехал в Берлин, учился там в Берлинском технологическом университете, не закончил, играл на терменвоксе, чем и зарабатывал. В 1936 году сбежал от нацистов, но не на Запад, а на Восток, за что поплатился почти тут же: в ноябре 1937-го был арестован в квартире сестры в Ленинграде в качестве «музыканта Ленгосэстрады», а в декабре расстрелян. Брат Яков, мирный бухгалтер и инженер-экономист, пережил брата ненамного – ушёл добровольцем на фронт и уже в ноябре 1941-го умер от ран в полевом госпитале. Вполне классические биографии двух еврейских мальчиков рубежа веков из богатой провинциальной семьи: хорошее образование, переезд в Ленинград, скромная карьера одного (в конце 1920-х уже лучше было не высовываться), странная заграничная эскапада второго (уехать

учиться в Германию в 1926-м было уже не таким лёгким делом) и страшная гибель обоих – ровно такая же, какая ждала миллионы их сограждан.

Детали этих биографий историкам ещё предстоит выяснить. А вот музейщики уже взяли архив в оборот. Они создали путешествие в 1930-е годы – линейное и парное. Ленинград и Берлин, лица и улицы, ритм тел в строю и индивидуальность каждого уличного поцелуя, битые витрины еврейских магазинов и партсобрания советских заводов, кафе и стадионы. Оба Хенкина были фотолюбителями, но страстными – они снимали запоем, и снимали хорошо. По их плёнкам можно отследить их привычные маршруты, «свои» районы, места отдыха, любимых моделей. В этом потоке есть большая История (формирование стадного чувства двух вскоре схлестнувшихся наций почти осязательно), но больше просто воздуха времени. Шоком становятся не столько виды, сколько лица – герои фильмов Алексея Германа выходят из этих фотографий как живые. Тут есть отличные кадры, вполне способные войти в хрестоматии, но ради них не стоило бы и заводиться – ценность архива Хенкиных именно в его необозримости, в насыщенности фотографической ткани.

Любительские архивы вот уже пару десятилетий серьёзно занимают умы исследователей. Иногда они безымянны и воспринимаются исключительно как исторические документы. В случае с Хенкиными коллективное бессознательное и частное художественное перемешаны так плотно, что работать с этим материалом – одно удовольствие. Эрмитаж эту работу только начал».

«В объектив попадали городские пейзажи, известные достопримечательности, милые сердцу места, сцены массовых гуляний, бытовые зарисовки. И, конечно, люди: родные, друзья, коллеги, прохожие. На снимках они смеются, танцуют, дурачатся, целуются, наслаждаются жизнью и не подозревают, какая страшная участь их ожидает всего через несколько лет… Действие разворачивается на фоне портретов вождей и растяжек с пропагандистскими лозунгами, но очевидно, что авторы не старались акцентировать внимание на идеологии (как делали это, например, многие репортёрты , их современники, в угоду газетным издателям). Евгений и Яков запечатлевали повседневность – пока ещё безмятежную. Не осуждали, не критиковали, не комментировали. Просто констатировали факт» [15].

«В берлинских фото Евгения Хенкина не просто больше буржуазности – показанные на них предметы, кажется, раз и навсегда прочно укоренены в пространстве. Этого не скажешь о быте, запечатлённом его братом: после революции в Советской России снялись с мест и поехали не только вещи, но понятия и смыслы (они до сих пор так и не могут остановиться).

Самый интересный эксперимент, который может поставить над собой зритель фотографий Хенкиных – не читая подписей, угадывать, где сделан тот или иной снимок: в Советском Союзе или Германии. Вот красивая светловолосая спортсменка позирует у перил, возможно, на мосту в парке: она модель Александра Самохвалова и Александра Дейнеки или же Лени Рифеншталь[2] и Герхарда Кайля[3]?

Если не видеть подписей, как угадать моделью кого из братьев стали эти две девушки:

[2] Лени Рифеншталь – одна из самых известных кинематографисток, работавших в период национал-социалистического господства в Германии, фотограф, актриса и танцовщица.

[3] Герхард Кайль – немецкий художник времён нацизма, автор «Физкультурников» и «Физкультурниц» как «образцов» немецких юноши и девушки. (В.Ф.).

Женский портрет,

Берлин **Ленинград**

А вот две молодые женщины играют с детьми во дворе между домами недавно построенного жилмассива. Самодельными качелями служит брошенная на уступ доска, и, подпрыгнув, одна из героинь остаётся висеть на фотографии в воздухе – так же и наше знание об эпохе 1930-х годов всё время даёт сбои при попытке определить страну по деталям фото» [16].

На улице. Ленинград

«Много специалистов в Москве и Петербурге уже несколько лет буквально с трепетом ожидали этой выставки двух ленинградских братьев-фотолюбителей 30-х годов. Те, кому повезло увидеть часть архива неофициально, были потрясены *эффектом "кротовой норы"*, полного обнуления временной дистанции – далёкие 30-е годы в кадрах Хенкиных кажутся снятыми вчера, на айфон закадычного приятеля-хипстера, протяни руку – потрогаешь. Так остро воспринимался германовский "Иван Лапшин" в год его премьеры – будто тебя втолкнули в коммуналку 30-х и приняли за своего.

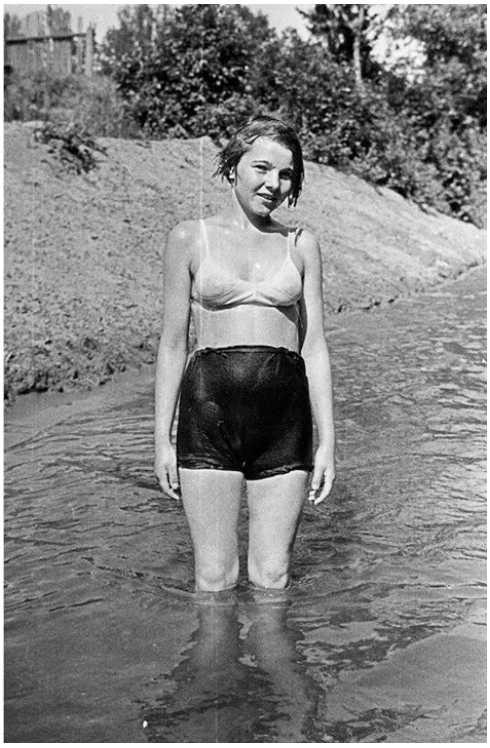
…Из текста к выставке я так и не узнал, где родились и учились, как увлеклись фотосъёмкой, кем работали, как жили, в каких обстоятельствах погибли

два удивительных фотографа-любителя Яков и Евгений Хенкины. А именно это мне бы хотелось знать – какова их связь с их временем? Их место в нём? [17].»

Нам хорошо известны фотографии тех лет, особенно советские, и на их фоне снимки братьев Хенкиных кажутся необычными – настолько они свободны и раскованны. Как будто братья ходят, по известному выражению, "взяв глаза в руки", и смотрят на всё, что кажется столь обычным, обыденным – и именно поэтому ускользает от внимания. Ну, парочка целуется, ну, ребенок упал на детской площадке, ну, спортсмены бегут, морячки лодку к воде поволокли – делов-то! И вдруг, почти через 100 лет, оказывается, что это и есть жизнь.

А еще братья любят человеческие лица – все эти люди в военной, железнодорожной, спортивной форме, все эти женщины, которых облегают "лёгкие платья из ситца", смотрят на нас открыто и требовательно, задумчиво, выжидательно, их взгляды завораживают, и сердце сжимается в ответ – такие же, как мы, такие близкие, такие живые! А парады и праздники с безумными конструкциями из звёзд и портретов вождей – только фон для этих лиц, но фон как будто сгущается. И чувство, с которым смотришь на них отсюда – из точки, где их страшное будущее известно, трудно передать.

Прочитать надписи, что относится к Берлину, а что к Ленинграду, кстати, тоже не так просто – но, может, оно и к лучшему – зато можно пуститься в увлекательные угадалки – где тут немецкие граждане, а где советские. Интересно, что советских угадываешь примерно 8 раз из 10 – всё-таки даже у немцев в 20–30-е годы нет на лицах такого напряжения. В изящном Берлине не водится "человек эпохи Москвошвея". А в стране советов совсем не увидишь холёных детей и свободных избалованных женщин – как те, что прикалываются у витрины, передразнивая манекенов. Нет и довольных бюргеров, отцов семейств и основателей собственного дела, гордых своими успехами. Зато марширующая и спортивная молодёжь – поразительно похожа, и тех русских и немцев, кого завтра убьют под Москвой, подо Ржевом, под Сталинградом, сегодня практически не отличить [18].



"Человек эпохи Москвошвея"
Одна из любимых фотографий Александра Китаева [7]

Перед витриной парикмахерской. Берлин

"У фотоархива Евгения и Якова Хенкиных большое будущее. …Снимки Хенкиных — это взгляд частного человека, не опосредованный идеологией. Причём это не репортажи и не художественная фотография. <...> Фотографии Хенкиных, рассказывающие о жизни двух тоталитарных империй непосредственно и без обиняков, ещё станут сенсацией [19]."

"Бывают проекты громкие – с шумом появляются и, как правило, проходят бесследно для всех. А бывают такие, которые ждут звёздного часа чуть ли не 90 лет, но остаются в памяти надолго. Речь об атмосферной фотовыставке Эрмитажа и ассоциации «Фонд братьев Хенкиных» – «2Хенкин2». Её хочется смаковать в одиночестве, а затем оживлённо обсуждать со знакомыми. И посещать опять, чтобы находить всё новые и новые детали» [15]. «Будем надеяться, что знакомство с архивом братьев Хенкиных, обнаруженным их потомками, только началось, и что за первой выставкой, состоящей всего из 142 фотографий, последуют другие [20]".

Лица

Когда рассматриваешь фотографии братьев Хенкиных, которые уже стали доступными для обозрения, больше всего поражают лица людей, живущих своей жизнью и ещё не знающих, что их ждёт в ближайшем будущем.

Смотришь на них и думаешь, как персонажи Евгения Хенкина поведут себя, когда их погонят завоёвывать земли на востоке? А когда поймут, чем это

обернулось для Германии? Они такие разные и взгляды у них разные. Почему-то думается, что и поведут они себя по-разному. Кто-то, как этот крайний справа, возможно, не остановится перед зверствами. А тот, который сдвинул очки на лоб, может быть, лётчик – из тех, кто будет сбит где-нибудь под Вязьмой, попадёт в плен и станет под знамёна антигитлеровской «Свободной Германии»?

А эти дамочки – тоже такие разные, которые сегодня кричат «Хайль Гитлер!», о чём они будут думать, получая похоронки на мужей и дрожа в подвалах во время ковровых бомбардировок союзной авиации? Или когда русские танки войдут в Берлин?

О чём задумались два советских командира, только что награждённые медалью «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии»? На их лицах нет радости по поводу первой боевой награды. Лето 1938 года – время, не слишком располагающее к радости. Мы не знаем, какова их судьба, и они сами этого не знают. Они наверняка не доживут до Победы. Может быть, им суждено встретить врага в Брестской крепости и погибнуть в первые дни войны? Или сложить свои головы в Финской войне? Или, хуже того, сгинуть где-нибудь на Колыме, так и не успев исполнить свой долг перед Родиной?

О чём говорят взгляды этих двух женщин с фотографии Якова Хенкина? О чём угодно, но только не об их радостной жизни. Если лицо младшей из них ещё отражает какую-то надежду на лучшее будущее, то старшая уже не ждёт

ничего хорошего. Как ничего хорошего не могло ждать автора этого снимка, попадись он на глаза членам парткома, которые якобы давали ему какие-то заказы. Чем это они у вас недовольны, когда вся страна дружно поёт: «С каждым днём всё радостнее жить» («Песня о Родине» И. Дунаевского на слова В. Лебедева-Кумача)? А если это мать и жена арестованного «врага народа»? И это при несомненной лояльности Якова к Советской власти.

А девушка на фото справа радуется жизнью. Она любима – что может быть лучше?

Море лиц, море эмоций! Какое поле для исследований историков и психологов! Такие фотографии рассказывают о жизни лучше любых слов.

Хенкины в Ростове-на-Дону

У меня с братьями Хенкиными одна малая родина – Ростов-на-Дону. Отправимся в этот город в конец XIX – начало XX века, чтобы познакомиться с корнями наших героев и их первыми шагами в жизни. Это расследование далеко не закончено, и много осталось ещё белых пятен.

Организовывая выставку в Эрмитаже, Ольга Владимировна Маслова-Вальтер ещё мало знала о месте Ростова в их судьбе. Поэтому очень немногое могла рассказать журналистам о ростовском периоде жизни братьев в своих многочисленных интервью. Именно поэтому в их статьях мелькают неточности в описании биографий Хенкиных.

В Российской империи евреям разрешали селиться лишь в городах, находящихся в особых зонах, в «черте оседлости». Ростов и Область Войска Донского в эту «черту» не входили, но для зажиточных евреев, владеющих недвижимым имуществом и пополнявших казну налогами, делалось исключение.

Многое удалось узнать из ростовских архивных материалов благодаря исследованиям Е.Р. Гимодудинова, часть сведений сохранилась в семейных архивах.

Первым из Хенкиных в Ростове обосновался в 1884 г. Яков Леонтьевич (1845–?) – мещанин из Славяносербска (ныне Луганская область). У него и его жены Софьи Борисовны Лейн (1847–?) было пятеро сыновей – Исаак, Лев, Александр, Виктор и Владимир и 3 дочери – Флора, Евгения и Олимпиада. Виктор и Владимир Хенкины стали знаменитыми актёрами, сын Льва – Валентин Львович Хенкин – крупным врачом, профессором, а Александр Яковлевич Хенкин – отец Евгения, Якова и Софьи.

Александр Яковлевич Хенкин, 1894 г. © Ольга Маслова-Вальтер

А.Я. Хенкин владел механическим заводом, двумя домами в центре Ростова (Средний пр. 32/34, Средний пр. 52 – контора и склад – здесь торговали керосином и минеральными маслами) и домом в Нахичевани (правый берег Дона, 9). Во время мировой войны на механическом заводе А.Я. Хенкина выпускали чугунные снаряды к бомбомётам и ударные трубки к ним для ручных гранат.

У преуспевающего фабриканта Александра Яковлевича Хенкина (1874-1920) и его жены Ханы-Ревекки (Анны) Исааковны, урождённой Эрберг (1881-1920), сочетавшихся браком по иудейскому обряду 15 февраля 1900 г., было трое детей. Все трое родились в Ростове: старший, Евгений, 14 декабря 1900 г., Яков – 2 декабря 1903 г., Софья – 3 октября 1906 г. (по старому стилю).

Якову было 10 лет, когда началась мировая война, потом революция, гражданская война, в ходе которой в Ростове многократно менялась власть: то красные, то белые (разные: одни, связанные с Антантой, другие – с Германией), то германская оккупация. Можно ли было в таких условиях получить нормальное образование? В семье не осталось никаких документов о школьной учёбе детей.

Революция не только лишила А.Я. Хенкина всего состояния, но и породила ощущение беззащитности из-за принадлежности к так называемым «бывшим классам». Согласно свидетельству Валентина Львовича Хенкина [2], Александр и Анна погибли в один день в 1920 году при обстреле Ростова белыми. Видимо, это случилось в январе, когда Первая Конная армия Будённого заняла Ростов, установив в городе власть большевиков. Может быть, в феврале, когда белые в последний раз на несколько дней вернулись в Ростов.

Ещё раньше сиротой остался Валентин Львович Хенкин (1901–1978) – один из самых близких людей для героев нашего повествования, о чём свидетельствуют его многочисленные фотографии в семейных альбомах. Оба совсем молодых родителя Валентина умерли в 1907 году

«В метрической книге умерших евреев г. Ростова-на-Дону на 1907 год есть запись №72 о смерти 06-10-1907 от чахотки в возрасте 33 лет Славяносербского мещанина Екатеринославской губ. Рувима-Лейба, он же Льва Янкелевича Хенкина» [21].

Опекать сирот взялась их тётя Женя, родная сестра Александра Яковлевича. Все Хенкины с большой теплотой отзываются о Евгении Яковлевне (1872-1942).

Софья и Евгения Яковлевна Хенкины, 1929 г. © Ольга Маслова-Вальтер

У неё был жених. Он поставил условие, что женится на ней после того, как она сдаст племянников в детский дом. Жених был отправлен в отставку. Замуж Евгения Яковлевна так и не вышла. Забегая вперёд, сообщу, что судьба заготовила ей смерть в 1942 году от рук немецких оккупантов, целенаправленно уничтожавших всех евреев. Эвакуировавшаяся из Ростова на Северный Кавказ, она попала в их лапы и погибла при неизвестных нам обстоятельствах. Лишь в 2017 году удалось найти безымянный обелиск под Пятигорском, установленный над братской могилой, где она, вероятно, нашла свой покой.

Рассказы об обеспеченной буржуазной семье, давшей детям хорошее образование, на проверку оказались благостным мифом, некорректной интерполяцией сквозь революции и войны. Мне, кому сломала детство другая война, канун которой снимали братья Хенкины в Ленинграде и Берлине, это ощутимо особенно остро.

В справке Берлинского Технического университета указано, что Евгений Хенкин окончил в Ростове-на-Дону гимназию – вероятно, в 1917 году. Кое-что прояснила трудовая книжка Якова, сохранившаяся в семье. В графе «образование» подчёркнуты «среднее» и «незаконченное высшее». «Среднее» подтверждает удостоверение Трудовой школы 2-й ступени № 12 г. Ростова-на-Дону от 4 июня 1920 г. Примечательная дата: в Ростове школы стали Трудовыми именно в 1920-м году при советской власти. Шла ломка всей системы образования. К тому времени Яков уже почти полтора года работал конторщиком, т.е. полноценного среднего образования он не получил. Ныне школа № 12 находится в Нахичевани (Комсомольская ул., 57) – недалеко от берега Дона, т.е. как раз в том районе, где у А.Я. Хенкина был свой дом. Какими-либо сведениями об учёбе Якова в вузе мы не располагаем.

Больнее всего смутное время и кардинальные изменения в системе образования ударили по сестре Софье. Об её учёбе нам пока ничего не известно – в семейном архиве документов не осталось.

1921 год. Только что на Дону завершилась Гражданская война. Окончательно она окончилась далеко от этих мест – на Дальнем Востоке. Остатки семейства Хенкиных, лишившиеся родителей и всей их собственности, национализированной советской властью, собрались в большой ростовской коммуналке. Её описал Валентин Львович Хенкин в юмористических тонах, и я ещё вернусь к этому описанию. Очевидно, что Евгения Яковлевна, заменившая мать своим племянникам, прокормить их не могла. Нужно было выживать и пробивать себе дорогу в жизни.

Яков Хенкин – хождение по мукам безработицы

Трудиться Яков начал в феврале 1919 г. 15-летним – как только в Ростове в очередной раз установилась советская власть. Вероятно, к тому времени его отец уже лишился возможности содержать свою семью.

Вся трудовая деятельность Якова протекала при советской власти, не прерываясь при возвращении белых на считанные дни в феврале 1920 г. До совершеннолетия за 3 года он сменил 10 мест работы, нигде не задерживаясь. Об этом рассказывают чудом сохранившиеся в семье документы – рассыпающиеся от ветхости бумаги, не все из которых удалось полностью оцифровать.

«Послужной список» Якова Хенкина в Ростове велик:

Февраль 1919 – 8 января 1920. Доно-Кубанский комитет Всероссийского Земского Союза по отделу личного состава – мл. конторщик.

ВСЕРОССІЙСКІЙ
Земскій Союзъ
помощи
больнымъ и раненымъ воинамъ.
ДОНО-КУБАНСКІЙ КОМИТЕТЪ
въ Ростовѣ н-Д., Большой пр., № 43.
Телефонъ № 9-33.

АПРѢЛЯ 18-го дня 1919 г.
№ 5480

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе Якову Александровичу ХЕНКИНУ въ томъ, что онъ состоитъ на службѣ въ Доно-Кубанскомъ Комитетѣ Всероссійскаго Земскаго Союза въ должности конторщика Отдѣла Личнаго Состава Комитета.

Настоящее удостовѣреніе видомъ на жительство служить не можетъ.

Членъ комитета

Завѣдующій Отдѣломъ Личнаго Состава

9 января – 8 марта 1920. Отдел здравоохранения при Ревкоме гг. Ростова и Нахичевани н/Д по личному составу – конторщик.

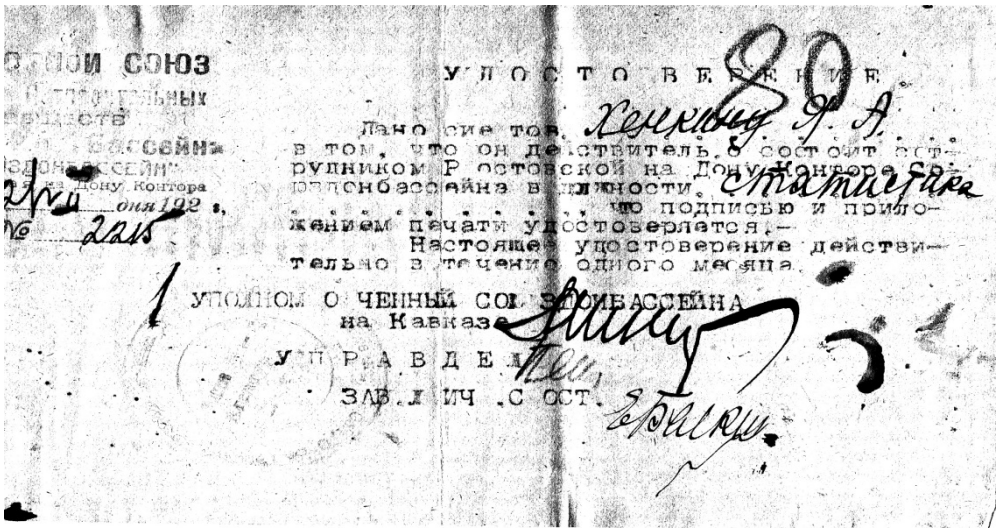
9 марта – 1 июня 1920. Управление Ростовского н/Д районного Эвакуационного пункта – конторщик.

Июнь – сентябрь 1920. Особая продовольственная. комиссия Кавфронта (опродком) – корректор редакционного издательского отдела.

Сентябрь 1920 – январь 1921. Управление Ростовского н/Д Военного порта – начальник канцелярии общего отдела.

Январь – июль 1921. Донской областной отдел профсоюза «Всемедикосанитруд» – секретарь культотдела.

Июль – август 1921. Областной Союз районных потребительских обществ Донецкого бассейна «Союздонбассейн» – статистик.


УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. Хенкину Я. А. в том, что он действитель. состоит сотрудником Р остовской на Дону Конторы Союздонбассейна в должности статистика, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Настоящее удостоверение действительно в течение одного месяца.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СОЮЗДОНБАССЕЙНА на Кавказе

УПРАВДЕЛ

ЗАВ. ЛИЧ. СОСТ.

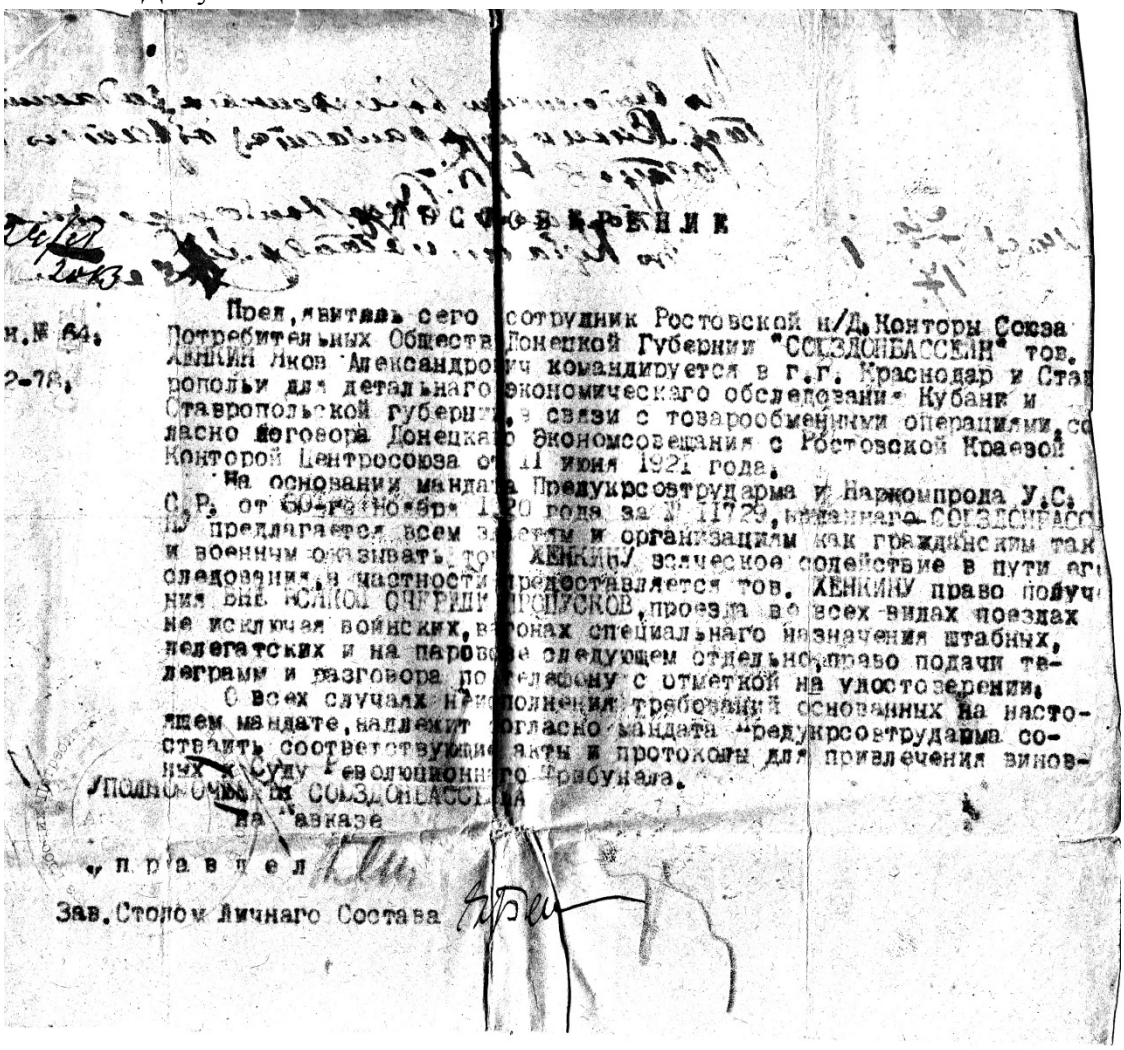
Эта краткая запись напоминает о важном эпизоде в истории нашей страны. Советская власть, победившая в Гражданской войне, восстанавливала народное хозяйство и снабжение населения промышленных районов продовольствием и предметами первой необходимости. Для этого постановлением Украинского совета трудовой армии от 18 февраля 1920 г. за № 2 за подписью Председателя Укрсовтрударма И. Сталина была введена натуроплата труда по декларированным нормам выдачи продуктов, на которые установлены твёрдые отпускные цены. Деньги на оплату передавались кооперативному объединению Союздонбассейн для заготовки товаров рабочим. Это объединение осуществляло закупки продовольствия в сельских районах, в частности, на Кубани [22].

Яков Хенкин выступал в этом деле фактически как эмиссар с широкими полномочиями, о чём свидетельствует Удостоверение сотрудника Союздонбассейна. Разовая краткосрочная и весьма нелёгкая работа, на которую пригласили 16-летнего парня, говорит, прежде всего, об остром голоде на грамотных людей, которым Советская власть могла доверять. О том, что Яков Хенкин, несмотря на юный возраст, имел репутацию твёрдого и грамотного человека, которому Советская власть доверяла. В то же время, для такой работы, конечно, был нужен более профессионально подкованный специалист.

«Предъявитель сего сотрудник Ростовской н/Д конторы Союза потребительских обществ Донецкой губернии «Союздонбассейн» тов. Хенкин Яков Александрович командируется в г.г. Краснодар и Ставрополь для детального экономического обследования Кубани и Ставропольской губернии в связи с товарообменными операциями, согласно договора Донецкого Экономсовещания с Ростовской краевой конторой Центросоюза от 11 июня 1921 г. На основании мандата Предукросовтрударма и Наркомпрода УССР от 6 ноября 1920 года за № 11729, выданного Союздонбассейну, предлагается всем властям и организациям, как гражданским, так и военным, оказывать тов. Хенкину всяческое содействие в пути его следования, в частности, предоставляется тов. Хенкину право получения ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ пропусков, проезда во всех видах поездов, не исключая воинских, вагонах специального назначения штабных, делегатских

и на паровозе, следующем отдельно, право подачи телеграмм и разговора по телефону с отметкой на удостоверении. О всех случаях неисполнения требований, основанных на настоящем мандате, надлежит, согласно мандата Предукросовтрударма, составлять соответствующие акты и протоколы для привлечения виновных к Суду РеволюционногоТрибунала».

«По выполнению возложенных заданий тов. Хенкин возвращается обратно в Ростов-на-Дону».



УДОСТОВЕРЕНИЕ

Пред,явитель сего сотрудник Ростовской н/Д.Конторы Союза Потребительных Обществ Донецкой Губернии "СОЮЗДОНБАССЕЛИ" тов. Хенкин Яков Александрович командируется в г.г. Краснодар и Ставрополь для детальнаго экономическаго обследования Кубани и Ставропольской губернии, в связи с товарообменными операциями, согласно договора Донецкаго Экономсовещания с Ростовской Краевой Конторой Центросоюза от 11 июня 1921 года.

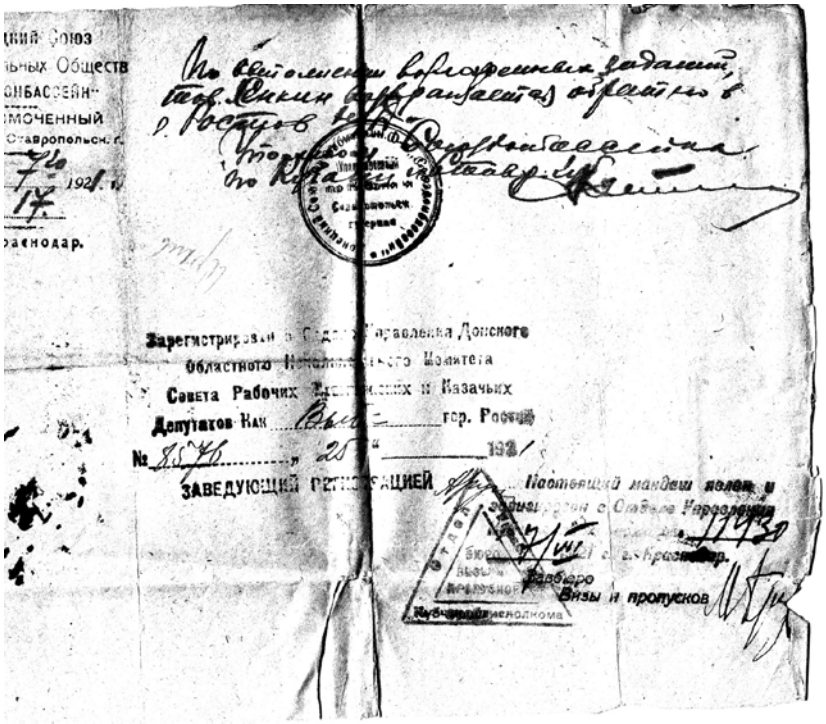
На основании мандата Предукрсовтрударма и Наркомпрода У.С.С.Р. от 60-го Ноябр. 1920 года за № 11729, выданнаго СОЮЗДОНБАССЕЛИ предлагается всем властям и организациям как гражданским так и военным оказывать тов. ХЕНКИНУ всяческое содействие в пути его следования, в частности предоставляется тов. ХЕНКИНУ право получения вне всякой очереди пропусков, проезда во всех видах поездах не исключая войнских, вагонах специальнаго назначения штабных, делегатских и на паровозе следующем отдельно, право подачи телеграмм и разговора по телефону с отметкой на удостоверении.

О всех случаях неисполнения требований основанных на настоящем мандате, надлежит согласно мандата Предукрсовтрударма составить соответствующие акты и протоколы для привлечения виновных к Суду Революционного Трибунала.

Уполномоченный СОЮЗДОНБАССЕЛИ на Кавказе

Правлен

Зав.Столом Личнаго Состава



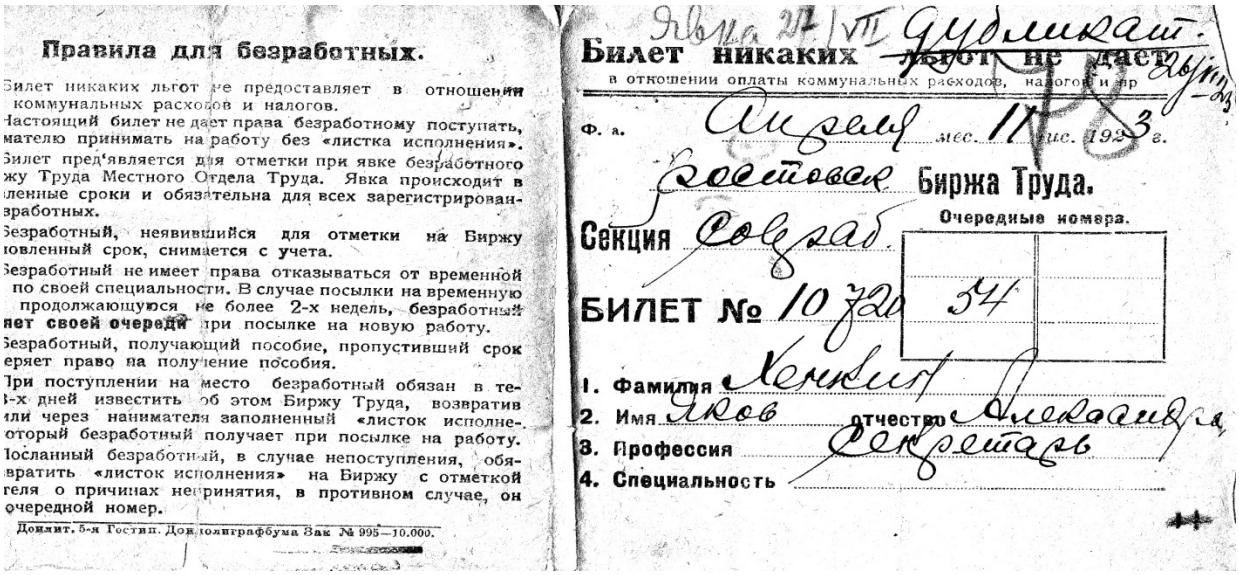
Мы не знаем, насколько успешно Яков Хенкин справился с поставленной задачей. Однако, если учесть, что по её завершении его пригласили в Донской областной военный комиссариат начальником отделения, задание он не провалил.

Сентябрь – декабрь 1921. Донской областной военный комиссариат – начальник 4-го отделения.

4 февраля – 8 августа 1922. Трудовая артель «Лабор» – конторщик. Уволен, вследствие ликвидации предприятия.

1 октября 1922 – 10 апреля 1923. Товарищество на паях «Масхимпромсоюз» – счетовод. Уволен, вследствие прекращения деятельности товарищества.

С 11 апреля 1923 г. Я. Хенкин состоял на учёте в Ростовской Бирже труда как безработный. Ему полагалось пособие по безработице.



Правила для безработных.

Билет никаких льгот не предоставляет в отношении коммунальных расходов и налогов.

Настоящий билет не дает права безработному поступать, мателю принимать на работу без «листка исполнения».

Билет пред'является для отметки при явке безработного жу Труда Местного Отдела Труда. Явка происходит в ленные сроки и обязательна для всех зарегистрирован- зработных.

Безработный, неявившийся для отметки на Биржу новленный срок, снимается с учета.

Безработный не имеет права отказываться от временной по своей специальности. В случае посылки на временную продолжающуюся не более 2-х недель, безработный **нет своей очереди** при посылке на новую работу.

Безработный, получающий пособие, пропустивший срок еряет право на получение пособия.

При поступлении на место безработный обязан в те- 3-х дней известить об этом Биржу Труда, возвратив или через нанимателя заполненный «листок исполне- оторый безработный получает при посылке на работу.

Посланный безработный, в случае непоступления, обя- вратить «листок исполнения» на Биржу с отметкой теля о причинах непринятия, в противном случае, он очередной номер.

Доплит. 5-я Гостип. Донполиграфбума Зак № 995—10.000.

Билет никаких ~~льгот не дает~~

в отношении оплаты коммунальных расходов, налогов и пр

Ф. а. Ямрем мес. 11 мес. 1923 г.

Ростовская Биржа Труда.

Секция Соцзаб.

Очередные номера.

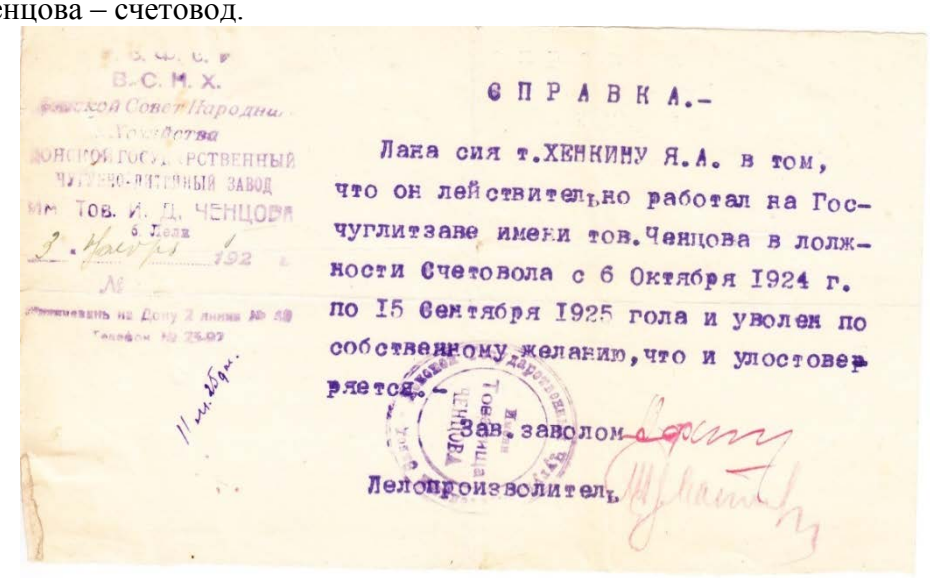
БИЛЕТ № 10720 54

1. Фамилия Хенкин
2. Имя Яков отчество Александров
3. Профессия Секретарь
4. Специальность

1 июля – 1 августа 1923. Маслобойный завод №8 (аренда Файна и Элькина) – дежурный по заводу. «Все возложенные на него обязанности исполнял добросовестно и аккуратно».

1 августа 1923 – 1 октября 1924. Госмаслозавод № 8 – дежурный по заводу. «Отпуском не пользовался и никаких денежных компенсаций не получал».

6 октября 1924 – 15 сентября 1925. Донской гос. чугунно-литейный завод имени тов. Ченцова – счетовод.



В.С.Н.Х.
Донской Совет Народного Хозяйства
Донской государственный чугунно-литейный завод им. Тов. И. Д. Ченцова
6 Лева
9 Октября 192
№
Ростов на Дону 2 линия № 49
Телефон № 75-97

СПРАВКА.-

Дана сия т.ХЕНКИНУ Я.А. в том, что он действительно работал на Госчуглитзаве имени тов.Ченцова в должности Счетовода с 6 Октября 1924 г. по 15 Сентября 1925 года и уволен по собственному желанию, что и удостоверяется.-

Зав. заводом

Делопроизводитель

15 сентября 1925 – 31 марта 1926. Фирма «Бр. Могилевские, В.Н. Спринсон и Ко «Рекорд» – счетовод.

25 декабря 1925 – 31 марта 1926. Профуполномоченный 5-го района Общегородского Комитета служащих частных предприятий гг. Ростова и Нахичевани н/Д.

1 апреля 1926 – 15 февраля 1927. Полное Товарищество «Возрождение» – счетовод.

Полное
Товарищество „ВОЗРОЖДЕНИЕ“
Ростов-на-Дону, Московская ул., д. № 79.

СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ
ПАВЛОВСКИЕ
СТАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
САПОЖНЫЕ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
КАРТОН, ГВОЗДИ
ТЕЛЕФОН № 10-23.

Ростов на Дону 16 февраля 1927

Удостоверение

Дано сие Хенкину Яков Александровичу, в том что он действительно состоял на службе в Полном т-ве

В Служебной книжке военнослужащего, выданной Ростовским военным комиссариатом 16 октября 1926 г., Я.А. Хенкин значится счётным работником со стажем 5 лет, не годным к военной службе в мирное время.

С 9 марта 1927 года Яков Хенкин вновь состоит на учёте в Бирже труда. Особо интересна Личная профессиональная карточка безработного, заведенная на него Биржей – в ней зачёркнута профессия «счетовод» и указана новая: «муз. пианист».

М
Ж

Личная профессиональная карточка № 425 Форма А.

Время регистрации 29/III мес. 1927 г.

1. ~~Счетовод~~ профессия 2. Муз. пианист специальность

3. на выработке каких предметов специализировался

4. Заключение о квалификации

Место для отм. о раб. по найм.

5. Фамилия Хенкин имя Яков отчество Александр

6. Возраст 23

7. Грамотен ли (да, нет) да окончил, прошел класс. (курс.) 2 года (наимен. учебн. завед., фабзав. рем. шк. и т. п.)

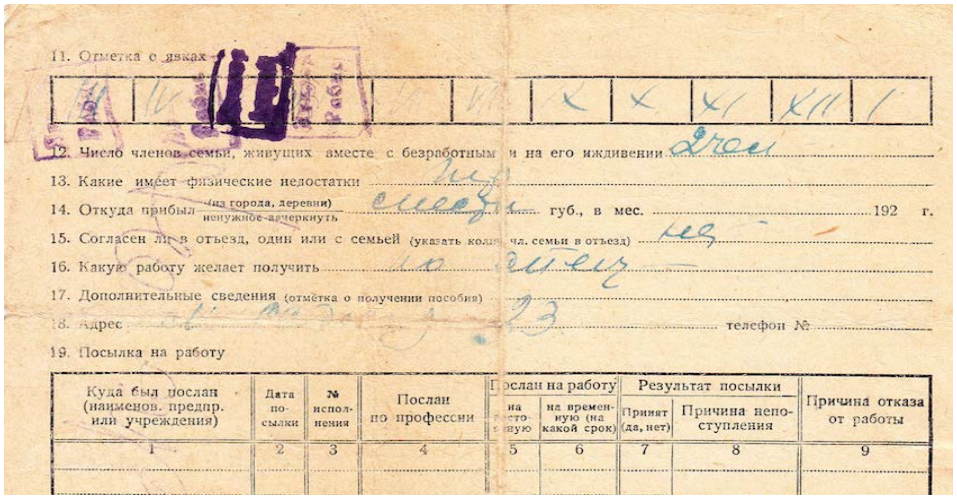
8. Членом какого союза состоит Совпрофсоюз № билета 108 83

9. Главнейшие места работы и последнее перед обращением на Биржу *)

Характер и наименов. предприятия	Должность или профессия	Характ. работы	Тарифный разряд	Размер зарплаты в черв. руб. в месяц**)	Сколько лет (мес.) состоял на службе	Когда уволен (мес., год)	Причина увольнения
1	2	3	4	5	6	7	8
Возрождение	счетовод		—	150 р.	2 года	5/III 27 г.	сокр.

10. Сколько лет (мес.) раб. по найму 9 л. по профес. 10 л. 2 м. по специальн. 10 л. 2 м.

*) Для демобилизованных после указания главнейших мест работы, указать время демобилизации.
**) При поденной оплате указать размер зарплаты в день, о чем сделать оговорку.
Зак. № 11521.— 300000



11. Отметка о явках

							X	X	XI	XII	I

12. Число членов семьи, живущих вместе с безработным и на его иждивении 2 чел.

13. Какие имеет физические недостатки нет

14. Откуда прибыл (из города, деревни) ненужное зачеркнуть сносов губ., в мес. 192 г.

15. Согласен ли в отъезд, один или с семьей (указать кол. чл. семьи в отъезд) нет

16. Какую работу желает получить по отрасли

17. Дополнительные сведения (отметка о получении пособия)

18. Адрес 93 телефон №

19. Посылка на работу

Куда был послан (наименов. предпр. или учреждения)	Дата посылки	№ исполнения	Послан по профессии	Послан на работу на постоянную	на временную (на какой срок)	Результат посылки: Принят (да, нет)	Причина непоступления	Причина отказа от работы
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Это – единственное известное нам свидетельство музыкального образования Якова Хенкина. Скорее всего, до революции в семье Александра

Хенкина обучали детей музыке. Старший, Евгений, успел обучиться настолько, чтобы в Германии сделать музыку своей профессией. Яков, вероятно, не считал себя достаточно подготовленным к профессиональной музыкальной деятельности. Однако когда многочисленные попытки закрепиться в роли секретаря или счетовода оказались неудачными, решил попробовать себя в ином качестве. Но никто пианистом Хенкиным не заинтересовался.

11 июля 1927. Государственная Картонажно-переплётная фабрика – ст. счетовод.
11 апреля 1929. Назначен помощником бухгалтера той же фабрики.
3 января 1930. Назначен старшим бухгалтером той же фабрики.
25 ноября 1930. Уволен, вследствие ликвидации фабрики.

За 8 лет Яков сменил 17 мест работы и лишь на Картонажно-переплётной фабрике задержался на 3 с лишним года, дорос до старшего бухгалтера и покинул фабрику лишь вследствие её закрытия.

Случайность и кратковременность мест работы юноши, изначально не имевшего какой-либо специальности, было следствием общей разрухи в стране, сопровождавшейся безработицей. На мой взгляд, была ещё одна причина: Яков не собирался становиться профессиональным конторщиком, у него были другие интересы. Какие? Читаю в книге Гонтмахера [23]:

В июне 1923 г. в Ростове прошла неделя физкультуры. В соревнованиях по боксу хорошо показал себя Я. Хенкин.

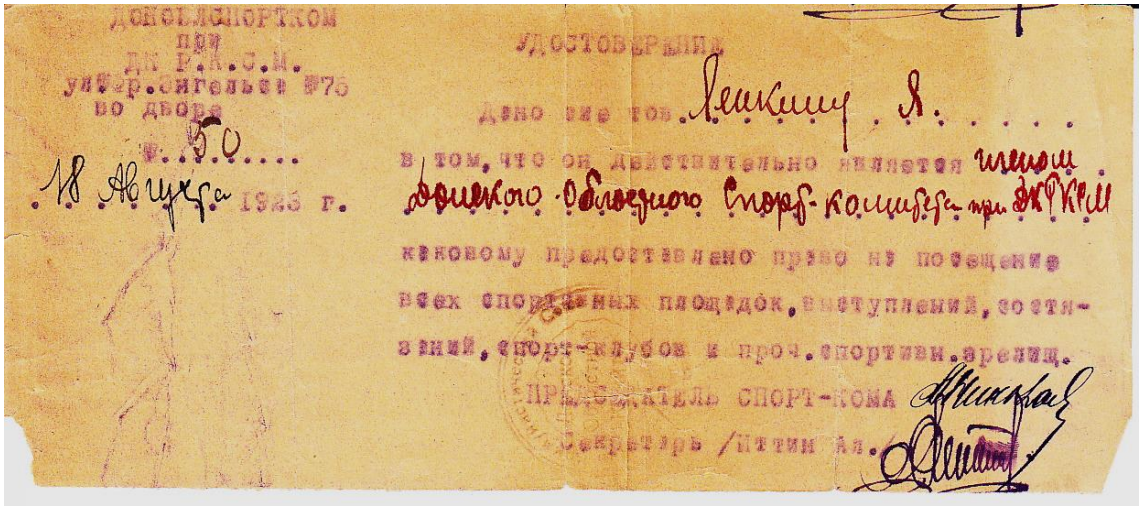
19 августа 1927 г. газета «Молот» сообщила, что в краевых соревнованиях по теннису победила команда Донского округа, за которую выступали В. Блох, А. Ковнат, М. Эпштейн, Я. Хенкин.

Яков Хенкин выступал и в роли теннисного судьи:

© Ольга Маслова-Вальтер

В 1923 г. Якову 19 лет, в 1927 – 23. Самый цвет для спортсмена. Яков Хенкин был разносторонним спортсменом, если он сумел проявить себя на столь высоком уровне в двух видах спорта. Более того, в семейном архиве найдено

удостоверение члена Донского областного спорткомитета при ДК РКСМ (хотя в комсомоле и в партии он не состоял), выданное в августе 1923 г., которое предоставляло ему право посещения всех спортивных мероприятий. Судя по потрёпанному его виду, этим удостоверением Яков пользовался довольно часто.


ДОНОБЛСПОРТКОМ
при
ДК Р.К.С.М.
ул. пр. Сигнальная №75
во дворе
№ 50
18 Августа 1923 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. Лейкину Я.

в том, что он действительно является членом Донского Областного Спорт-комитета при ДК РКСМ

каковому предоставлено право на посещение всех спортивных площадок, выступлений, состязаний, спорт-клубов и проч. спортивн. зрелищ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СПОРТ-КОМА

Секретарь /Пятин Ал.

В перечне мест, где работал Яков Хенкин, мелькнула фамилия Файн. Возможно, именно тогда, в 1923 году состоялось его знакомство со своей будущей женой Фридой Семёновной Файн, дочерью того самого Файна, арендовавшего на волне нэпа маслобойный завод. 18.07.1926 у них родилась дочь Галина.

Приведённые документы, безусловно, являющиеся зеркалом эпохи. Это один из бесценных слепков истории Ростова-на-Дону 20-х годов XX века. По каким кругам безработицы пришлось пройти Евгению Хенкину – этого мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем: все документы уничтожили в 1937 году.

На рубеже 1930 и 1931 гг. Яков Александрович Хенкин с женой и дочерью переехал в Ленинград. Ещё раньше, в 1925-м, покинул Ростов Евгений – уехал в Германию учиться в Техническом университете.

Как шутили Хенкины

Все Хенкины любили пошутить. Не всегда безобидно. Пришло время вернуться к рассказу Валентина Хенкина об их жизни в постреволюционном Ростове [2].

«Жили мы в большой коммунальной квартире из 10 комнат [на ул. Морской]. Кроме нас в ней жило ещё 7 семей, в том числе и мой дядя [Исаак] со своей семьёй, состоявшей из него, жены и двоих детей. Наша семья состояла из тёти Жени (моя приёмная мать), бабушки, двух двоюродных братьев и двоюродной сестры.

Все жильцы жили очень дружно. В одном лишь «беда». Квартира была по коридорному типу, и все двери выходили в коридор. Комната, в которой жили мы, трое мальчиков, была угловой и через неё ближе было проходить остальным жильцам в кухню, туалет и ванную, и все пробегали через нашу комнату без всяких церемоний и не постучавшись. Мне это надоело и я выпустил «Обязательное постановление», где было сказано: «Доводится до сведения жильцов квартиры № 2, что данная комната не является комнатой общего пользования. Входить в неё можно только постучавшись. За нарушение этого постановления несовершеннолетние будут подвергнуты порке, а совершеннолетние – повешению».

Привязали мы на крючке верёвку с петлёй, а под ней поставили стул и стали ждать. Первым вбежал двоюродный брат Сеня, которому было 12 лет. Выпороли. С рёвом он побежал жаловаться родителям, и его мать с возмущением ворвалась к нам, конечно, без стука. Мы схватили её, поставили на стул, накинули на шею петлю и стали танцевать вокруг неё победный танец. Через 5 минут отпустили. Нас, конечно, ругали. Была «повешена» ещё одна соседка. После этого уже никто не решался входить к нам, не постучавшись, и вообще старались не входить.

Однажды сидели мы втроём (2 двоюродных брата и я) после обеда и не знали, что делать. Скучали. Один из нас сказал – «скучно». И тут я внёс предложение: «Давайте умрём». Эта идея была встречена с восторгом. Мы сказали тёте: «Мы сейчас будем умирать, а ты нам не мешай. Лучше садись на диван и плачь» – «Оставьте ваши дурацкие шутки», – сказала тётя, и ушла в свою комнату, где и была заперта.

Евгения Яковлевна и Валентин Львович Хенкины
© Ольга Маслова-Вальтер

Немедленно был извлечён грим, и Женя, и я загримировались покойниками, с большой кровавой раной на лбу у одного и на виске у другого. Позвали соседку по квартире и говорим ей: «Похожи мы на убитых?» – «Похожи-то похожи, но что это за дурацкие номера?» – «Не твоё дело», – говорим мы, – «садись на диван и, когда будут приходить, плачь».

Позвали мы мальчика, игравшего во дворе, дали ему записку, с которой послали его к нашему товарищу, жившему неподалёку. В записке (писал её Яша, второй двоюродный брат): «Буня (имя товарища), приходи сейчас к нам. У нас большое несчастье». А мальчику сказали, что если его будут спрашивать – в чём дело, чтобы он отвечал – не знаю, но там много народу и все плачут. Записка отправилась, а мы выглядываем из-за двери балкона на улицу и ждём, что будет. Видим, бежит Буня, выпучив глаза. Мы тотчас улеглись и покрылись простыней, а соседка (она была актрисой) уселась на диван и рыдает. Звонок. Дверь открыл с удрученным лицом Яша. «Что, что случилось?» – спросил испуганно Буня. – «Не спрашивай, увидишь», – махнув безнадёжно рукой, сказал Яша. Буня зашёл в комнату, и мы услышали испуганный возглас: «Ах!». Я тихонько засмеялся, и простыня заколыхалась, и тут мы услышали истерический выкрик Буни: «Яша, а почему они дышат?». Мы не смогли больше выдержать и со смехом вскочили со своего смертного ложа.

Мы не могли без смеха смотреть на искажённое ужасом лицо Буни. «Пиши записку Нюре, чтобы она пришла сюда». (Нюра была невеста Буни.) И записка была написана – «Нюрочка, приходи сейчас же. Женя и Валя нечаянно застрелились. Если не можешь прийти сегодня, завтра похороны». Нюра лежала в постели, т.к. была больна, и, получив записку, закричала. На крик прибежала её мать и, узнав, в чём дело, опустилась на пол. О несчастье были оповещены соседи, и мы увидели с балкона бегущую к нашему дому большую группу людей. Немедленно мы заняли соответствующее положение, соседка уселась на диван и рыдала. Нюра не дошла до нас и упала на лестнице в обморок. Мы бросились оказывать ей помощь, особенно я. Я ведь медик. Нюра лежала на ступеньках, а я лил на неё воду и совал за пазуху мокрую тряпку. Нюра открыла глаза, вздохнула и, увидев мое «покойницкое» лицо в гриме, с лёгким стоном вновь лишилась сознания. Мы втащили её в квартиру, уложили на диван, где она пришла в себя и разразилась истерическим плачем, что наряду с «плачущей» соседкой создавало замечательный антураж для приходивших знакомых и просто любопытных, т.к. весть о нашем нечаянном самоубийстве быстро разнеслась по городу.

Мы же лежали неподвижно и держали руки сомкнутыми и приподнятыми над животом, чтобы при дыхании простыня не колыхалась. Много лестного услышали мы о себе, ибо известно, что о покойниках либо ничего не говорят, либо только хорошее. Постепенно собралось довольно много народа. Мы слышали вздохи, ахи и различные высказывания о нас. Наконец, это нам надоело, и мы с шумом вскочили, чем вызвали немалое замешательство, а затем и возмущение присутствовавших. Нас здорово ругали. Особенно были возмущены совершенно посторонние нам люди, некие Ямпольские, прибежавшие поглазеть на покойников и очень разочарованные тем, что «покойники» оказались живыми. Это произвело на меня сильное впечатление, и я тут же написал и отправил им письмо такого содержания: «Уважаемые граждане Ямпольские! Я был очень тронут вашим вниманием по случаю моей смерти. Не замедлю отплатить вам тем же. С уважением, бывший покойник». Очень нас ругали, и поделом, за хулиганство, а когда поуспокоилось, – много смеялись».

Евгений и Софья Хенкины (первый и третья слева) на пляже Левбердон (левый берег Дона) – любимом месте отдыха ростовчан, 1925 г. – последнее лето Евгения в Ростове.
© Ольга Маслова-Вальтер

Эта фотография найдена среди ростовских снимков Хенкиных. Издавна на Руси такая шапка однозначно символизировала просьбу о подаянии «Христа ради». Христорадничали? – нет, конечно, прикалывались. Невозмутимость сохранил один Евгений, на лицах остальных читается ожидание: клюнут или нет?

Евгений Валентинович Хенкин (1945-2006), сын Валентина Львовича, пишет [24]:

В Москве тогда жили Нина Исааковна Хенкина (тётя Нина) – по мужу Казьмина – в крохотной "хрущёвке", и её сын Володя, геолог, кандидат наук, мой троюродный брат, с женой по имени Юра – в хорошей квартире на Сиреневом Бульваре. Когда я родился, тётя Нина подарила мне серебряную кружечку, полученную ею в день её рождения. В своё время кружечка была подарена Якову и Софье на свадьбу. Это единственное, что у меня осталось от "того времени".

Эта самая Нина стала участницей очередной фотошутки Евгения Хенкина:

Евгений Хенкин. Автопортрет с возлюбленной. Фотография демонстрировалась в Эрмитаже
Рядом с Евгением его двоюродная сестра Нина Казьмина

Вероятно, эта фотография относится к 1936-37 гг.

Пошутить любили все Хенкины. Яков – не исключение:

Фрида Хенкина у статуи Аполлона в Летнем саду
Фотография демонстрировалась в Эрмитаже

Яков Хенкин. Автопортрет с Аполлоном. © Ольга Маслова-Вальтер

А уж как шутил главный юморист из них – народный артист РСФСР Владимир Хенкин и я помню. Он всегда с фантастической лёгкостью вступал в общение с публикой. Профессор Валентин Львович Хенкин рассказал [2] о таком эпизоде. В конце войны он отправил свою беременную жену в Москву, к дяде Володе. Тот привел её на концерт, посадил в первый ряд, вышел на сцену и затеял с ней диалог. Публика лежала от хохота, а беременная от смеха сползла на пол и боялась разродиться прямо в театре.

Ростовский клад Хенкиных

Огромная историческая ценность хенкинских фотоснимков состоит в их необозримости. Это, действительно, клад, который может рассказать о своём времени очень многое, нужно только заставить его заговорить, суметь его услышать, прочитать, понять. Историкам его ещё изучать и изучать. Пока же все только ахнули, увидев и оценив эту необозримость.

Увы, у нашего народа свои взаимоотношения с историей: её столько раз переписывали в угоду власть имущим и их политическим интересам, что она сама стала непредсказуемой. Любой террор, не только нацистский или сталинский, опасен ещё и тем, что он сеет семена страха, заставляющего людей уничтожать архивы и документы, не надписывать фотографии, не рассказывать детям о предках и родичах, чтобы они, не дай бог, не ляпнули что-либо во дворе или в школе. Не существовало бы этого страха, привили бы людям культуру хранить семейные документы, письма, надписывать каждый снимок, чтобы потомки не гадали, когда, где и кто.

Прав Дмитрий Конрад: наследие Хенкиных хорошо тем, что в нём каждый прочтёт своё. Главная тема, которой посвятили выставку в Эрмитаже – Ленинград и Берлин накануне военной схватки двух стран. В Эрмитаже выставлены только 142 снимка из 7000 на плёнках братьев Хенкиных. По словам Ольги, есть ещё 4 фотоальбома – Фриды, Софьи и два неизвестно чьи. Кроме них – россыпь отдельных фотографий. Братья начинали снимать не в Ленинграде и Берлине, а в своём родном городе – Ростове-на-Дону. Чаще всего не удаётся определить, кто именно снимал. Здесь впервые публикуются некоторые из этих фотографий.

Евгений, Софья и Яков Хенкины. © Ольга Маслова-Вальтер

На этом снимке Евгений в форме гимназиста, Яков и Софья – в обычной для дошколят матроске. Вероятно, 1910-1911 гг.

Кто снимал? Отец, Александр Яковлевич Хенкин? Может быть, это он положил начало фотокладу Хенкиных? Фотолюбителем был и Валентин Хенкин. До революции любительское фотографирование, да ещё не в столицах, а в провинциальном Ростове-на-Дону не было развито. Какое поле для исторических исследований!

Один из чудом сохранившихся снимков: Евгений Хенкин демонстрирует своих девушек.

Евгений Хенкин. Автопортрет с девушками. 1925 г. © Ольга Маслова-Вальтер

На этой, казалось бы, непримечательной фотографии есть две мелкие, но важные детали. Наверху запечатлён фотоаппарат – это автопортрет, снятый с помощью зеркала. Евгений снимал в Ростове и имел уже определённый опыт фотографа. Вторая важная деталь на этом снимке – фотография (или маленький бюст?) Сталина в ряду хенкинских девушек. Фотографию Сталина на стене мы видим и на одном из ленинградских фото Якова [11]. Они свидетельствуют о политических предпочтениях Хенкиных. Казалось бы, большевики, национализировав частные предприятия в Ростове, больно ударили по интересам их семьи, и «буржуазные отпрыски» должны были бы симпатизировать белым. Ан нет! Не было в русской революции столь однозначно: имущие – за белых, неимущие – за красных. А террор и антисемитизм исповедовали в Гражданской войне обе стороны. И Валентин Хенкин, будущий видный врач, профессор, столь близкий нашим героям, во время Гражданской войны бежал из «белого» Ростова навстречу наступающим красным, вступил в Первую Конную армию и прошёл с ней весь её путь.

На ростовские снимки из архива Ольги Масловой-Вальтер ещё не обратили должного внимания. Сколько их? Что и кто на них изображён? Кто снимал?

Среди хенкинских снимков 20-х гг. заметны выполненные в Геленджике и Хосте – излюбленных местах отдыха ростовчан на Чёрном море. Они тоже – документы эпохи. Вот два из них:

Геленджик, 1929 г. © Ольга Маслова-Вальтер

Геленджик, 1929 г. © Ольга Маслова-Вальтер

Чем интересны эти снимки? Напряжённые взгляды, деланные улыбки – время было нелёгкое. Даже на отдыхе не получалось совсем расслабиться. Костюмы. Мне, химику, занимавшемуся химией красителей, бросилась в глаза вынужденная мода на белизну одежды (как и на многих других фотографиях Хенкиных). Нездешний, какой-то опереточный персонаж справа на втором фото. С него не сводит глаз девочка в центре группы.

Пока никто ещё не осмелился воспроизвести хенкинские снимки тех персонажей, которые «так естественно позировали в костюмах богинь Олимпа, были так свободны и счастливы, что просто из ряда вон», а на их лицах было «совершенно нежданное блаженство, которое трудно было даже предположить» (Александр Китаев). Пусть даже закрыв интимные места – ничего необычного в них нет. Интересны их лица, их фигуры, которыми они так самовосхищались, гордо выставляя на всеобщее обозрение. Было бы интересно сопоставить их с моей собственной, 18-летнего студента, зарисовкой Геленджика, относящейся к 1951 году:

«От нашего дома отдыха до моря метров 500. Пляжа, как такового, нет, потому что вода подходит вплотную к высокому крутому берегу, скреплённому камнями и корнями деревьев, растущих буквально на самом обрыве. Дно – огромные камни, кое-где морская трава. Вода чистая, прозрачная. Вместо пляжа – длинные, метров по 50, деревянные мостки, заканчивающиеся лестницей. Два мостка – мужской и женский, расстояние между ними метров 15. Для каждого дома отдыха – пара таких мостков, расстояние между пляжами метров 300. На женском мостке, по выражению одного из моих друзей, «вид на море и обратно»: только треть женщин в купальниках, остальные – в чём мать родила. Сидят, стоят, не закрываясь, к нам лицом, явно позируя. 15 метров – это же совсем рядом! На берегу открытая в сторону моря раздевалка, разделённая на две части – для мужчин и женщин. Над морем нечто вроде набережной – красивая, в зелени, улица, много народу. А чуть ниже, совсем рядом – мостки с разлёгшимися «в натуральном виде» отдыхающими. Один товарищ начал фотографировать – такой хохот стоял! Женщины, которых он снимал, сначала заинтересовались, затем посмеялись и только потом начали возмущаться. Но одеться или хотя бы отвернуться никому из них и в голову не пришло».

Но у меня – всего лишь слова, а у Хенкиных – зрительные образы, стократно более ценные. Позирующие дамы разные. Одни любуются своей красотой. Другие смотрят с призывом: «Эй, возьми меня!». Третьим наплевать на окружающих: как хочу, так и загораю. И если художник сумел их различить, то это – высокое искусство.

Вероятно, такие нравы восходят к 20-30-м годам, и их подметили ещё Хенкины. До революции нравы были более чопорными.

А это снимок в Хосте:

Хоста, 1927 г. © Ольга Маслова-Вальтер

Колоритная фигура. Панама – сейчас такую не увидишь. Штаны с дырами на коленях уже тогда были в моде?

Насколько важно, кто из Хенкиных это снимал? Они все так тонко чувствовали друг друга, что фактически стали одним коллективным автором.

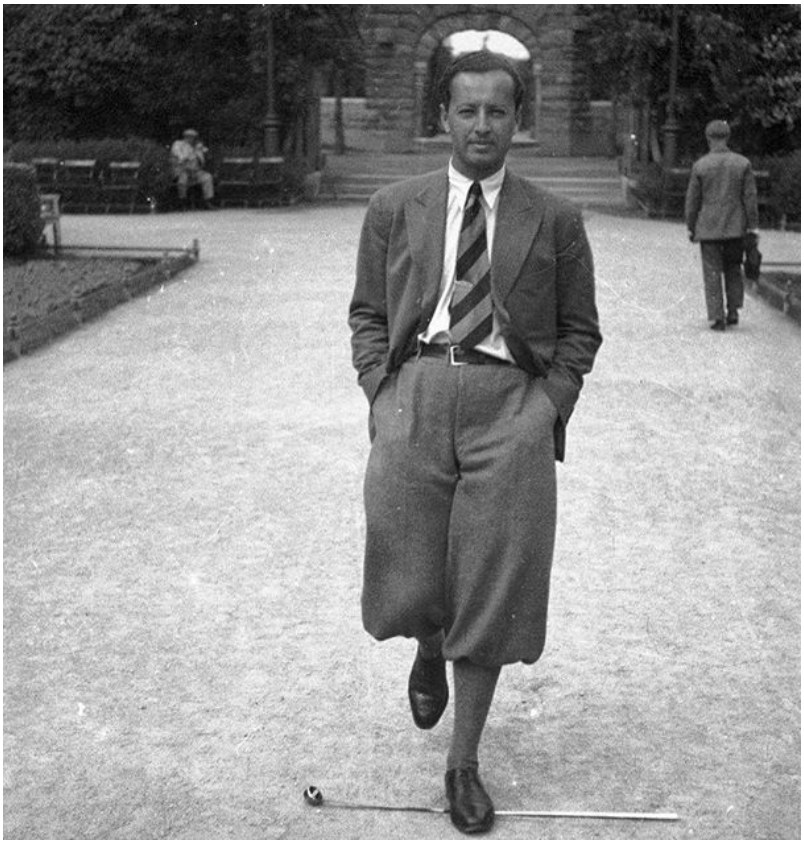
Вряд ли могут быть сомнения в том, что ростовские снимки Хенкиных должны быть изучены не менее тщательно, чем ленинградские и берлинские. На мой взгляд, Ольга Маслова-Вальтер – владелица не одного фотоклада, а двух. И сколько ещё таких кладов сохранилось в семейных архивах?

Евгений Хенкин. Берлин

Евгений Александрович Хенкин (14.12.1900 – 03.01.1938) в конце 1925 г. уехал учиться в Берлинскую высшую техническую школу в Шарлоттенбурге (сейчас — Берлинский технический университет). Согласно справке, полученной в 2015 году из архива этого университета, он поступил на факультет корабельного машиностроения (Schiffsmaschinenbau) 22.04.1926, учился с летнего семестра 1926 г. по летний семестр 1928 г., в 1929-30 гг. брал отпуск и после летнего семестра 1930 г. отчислен.

Мы не знаем, по какой причине он бросил университет: разочаровался в специальности? не сумел совместить учёбу с зарабатыванием средств на её оплату? увлёкся музыкой и фотографированием? Евгений занялся концертной деятельностью – играл на терменвоксе.

Каким человеком был Евгений Хенкин в Берлине? Видимо, таким же, как и в Ростове – любителем модно одеться, любителем и любимцем женщин.

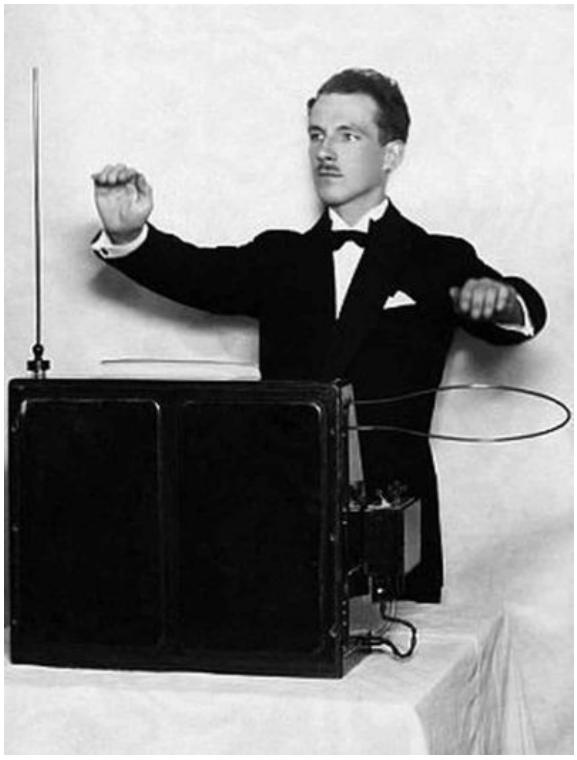


Евгений Хенкин в Берлине. © Ольга Маслова-Вальтер

Евгений Хенкин в кругу подруг. Германия
Фотография демонстрировалась в Эрмитаже

Выставка в Эрмитаже внесла в Историю имена братьев Евгения и Якова Хенкиных как выдающихся фотографов-любителей. Однако Евгений Хенкин оставил свой след также и в истории музыки.

Только в самое последнее время у нас вспомнили про терменвокс, и в СМИ всплыло имя его создателя Льва Сергеевича Термена (1896-1993). Его называли русским Леонардо. Специалист по радиотехнике, он в 1920 году изобрёл на основе экспериментальной измерительной установки терменвокс – уникальный электромузыкальный инструмент, на котором играют, не прикасаясь к инструменту («музыка из воздуха»). В марте 1922 г. была устроена демонстрация изобретений Термена в Кремле, на которой присутствовал Ленин.



Лев Термен играет на терменвоксе

Другие изобретения великого изобретателя: терпситон – инструмент, в котором частота и амплитуда звука определяются изменением положения всего тела танцора; первая в мире установка дальновидения, опередившая изобретённое Зворыкиным телевидение, но засекреченная советскими властями; системы охранной сигнализации; подслушивающее устройство без элементов питания и электроники на основе высокочастотного резонанса, проработавшее в кабинете американских послов незамеченным в течение девяти лет; беспилотные летательные аппараты, управляемые по радио – прообразы современных крылатых ракет и беспилотников и многое другое. 8 лет он провёл в заключении – на лесоразработках, затем в «туполевской шараге», где его ассистентом был Сергей Павлович Королёв. Лев Термен – человек, получивший в заключении (!) Сталинскую премию 1-й степени. К середине 30-х годов Термен был включён в список 25 знаменитостей мира и был членом клуба миллионеров, а умер в нищете в коммуналке, забытый и затравленный соседом [25].

Сейчас жизнь и творчество Льва Термена, культуру игры на терменвоксе восстанавливает его правнук Пётр Термен [26, 27].

Не один терменвокс соединил имена Льва Термена и Евгения Хенкина. Оба попали под каток сталинских репрессий. Термену ещё «повезло»: его не уничтожили, как Хенкина. Сколько таких Хенкиных и Терменов стали жертвами сталинщины! Какую страшную цену заплатила страна за властные амбиции вождей!

Евгений Александрович Хенкин не просто «играл на терменвоксе», он был одним из первых музыкантов, концертировавших игрой на этом инструменте, о чём говорят афиши его концертов в Берлине.

Афиша Евгения Хенкина на витрине кафе в Берлине.
Фрагмент фотографии, демонстрировавшейся в Эрмитаже

О концертах Евгения Хенкина рассказывает и открытка, чудом сохранившаяся в семейном архиве:

«Оригинал-Термен-трио», музыка из воздуха (Е. Хенкин – первый слева).
© Ольга Маслова-Вальтер

Терменвокс требовал от исполнителя абсолютных слуха и координации движений. Этими качествами обладал Евгений Хенкин. Он был не только фотографом и музыкантом. Человек, не чуждый технике, он разбирался в структуре своего терменвокса, о чём свидетельствует снимок:

Евгений Хенкин с терменвоксом. Фотография демонстрировалась в Эрмитаже

Сохранившиеся фотографии демонстрируют: Евгений играл и на других инструментах, например, на тромбоне и на виолончели. Разносторонний музыкант-профессионал, зарабатывающий на жизнь музыкой.

Евгений Хенкин играет на тромбоне. © Ольга Маслова-Вальтер

Евгений Хенкин аккомпанирует на виолончели. © Ольга Маслова-Вальтер

Тайна гибели Евгения Хенкина

В 1936-м Евгений Хенкин вернулся в СССР, в 1937-м арестован как «немецкий шпион» и расстрелян. Реабилитирован. В «Ленинградском мартирологе» о нём есть такая запись [28]:

«Хенкин Евгений Александрович, 1900 г.р., уроженец г. Ростова-на-Дону, еврей, беспартийный, музыкант Ленгосэстрады, проживал: г. Ленинград, ул. Жуковского, д. 31, кв. 22. Арестован 18 ноября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 декабря 1937 г. приговорён по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинграде 3 января 1938 г.».

03.01.1938 – официальная дата смерти Е.А. Хенкина. Ольге говорили в Центре “Возвращенные имена”, что даты расстрела обычно верны, бухгалтерия велась тщательно, и отчёты в Москву надо было посылать проверенные и перепроверенные. Однако есть и другое свидетельство:

«Родственникам, как правило, о расстреле ничего не сообщали. В свидетельствах о смерти было написано, что человек умер от болезни, дату смерти указывали всегда неправильную. Но на самом деле расстрел был осуществлен сразу после вынесения приговора. Семьи же репрессированных людей получали по 3-4 свидетельства о смерти, где были указаны разные даты смерти и причины» [29].

Суд скорый и неправый. Бессмысленно пытаться выяснять, в какие тайны, разглашение которых могли иметь особо тяжёлые последствия для государства, успел проникнуть музыкант Ленгосэстрады, только год как вернувшийся в Советский Союз после 10-летнего отсутствия. Достаточно знать порядок вынесения подобных приговоров. «Приговоры получили название «приговоры троек», так как в состав такой комиссии входили три должностных лица: начальник УНКВД, прокурор области, второй секретарь обкома ВКП(б). Выносились они заочно, без присутствия обвиняемого, без участия на заседании комиссии защиты и обвинения. И не подлежали обжалованию. По некоторым официальным данным, в Ленинграде за период с 1937 по 1938 год было расстреляно более 40 тысяч человек – по политическим обвинениям» [29].

1937-й год вошёл в историю нашей страны как год выборов по новой советской конституции, провозгласившей торжество победы социализма и ликвидации пережитков капитализма в СССР. Однако больше его помнят как год массовых репрессий.

Приказ главы НКВД Н.И. Ежова предписывал сохранять в тайне места и времени расстрела. Основным местом расстрела в Ленинграде было отделение Ленинградской тюрьмы (Нижегородская улица, дом 39). Сотрудники комендатуры НКВД ежедневно приводили к исполнению приговоры. Результаты докладывали каждые пять дней. В доклады включали только статистику расстрелянных и сосланных в лагеря, о местах захоронения ничего не сообщали.

«Самым массовым местом захоронения расстрелянных была «Левашовская пу́стошь». Ныне это Левашо́вское мемориальное кладбище – одно из крупнейших в Санкт-Петербурге, бывший специальный расстрельный полигон НКВД – МГБ – КГБ СССР. Здесь захоронено около 45 тысяч жертв сталинских репрессий. Тайна этого трагического места до сих пор не раскрыта – официального списка погребённых нет. Тайно хоронили также на Ржевском полигоне, в Токсово, Бернгардовке.

Тела вывозили ночью в крытых машинах и сбрасывали в огромные ямы. Так кладбище под покровом тьмы принимало десятки, а то и сотни тел ежедневно. В настоящее время границы могильных рвов никак не обозначены. Не видны уже и накатанные смертоносными автомобилями дорожные колеи… Кладбище оставалось секретным объектом КГБ вплоть до 1989 года. На месте пустоши вырос лес, проседавшие время от времени могилы охранники засыпали привозным песком.

В 1989 году Политбюро ЦККПСС принято решение о реабилитации жертв репрессий. В этом же году КГБ рассекретил назначение кладбища «Левашовская пустошь» и списки расстрелянных, но информацию о похороненных здесь

не предоставили, объяснив это тем, что такого рода данными они не обладают. …У входа на кладбище установлен памятник «Молох тоталитаризма» (скульпторы Нина Галицкая, Виталий Гамбаров, архитектор Алексей Леляков). Памятник открыт 15 мая 1996 года мэром Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком. В День памяти жертв политических репрессий городские власти Санкт-Петербурга проводят здесь церемонии возложения венков» [29].

Памятник «Молох тоталитаризма»

Евгений Хенкин не стал ни великим фотохудожником, ни знаменитым музыкантом. **Не успел** ими стать. Ему, как и многим, многим другим, **не дали.**

Яков Хенкин. Ленинград

Выписки из домовой книги, полученные Ольгой в 2016 г., уточняют дату прописки Якова Хенкина в Ленинграде: 16 декабря 1930 г. Жена Фрида с дочерью Галиной прибыли из Ростова-на-Дону чуть позднее – 1 февраля 1931 г. Тем самым уточнён период, когда Хенкин мог делать снимки в Ленинграде: 1931-1941 гг.

За 10 лет в Ленинграде Я.А. Хенкин работал всего на трёх предприятиях – на фабрике беловых товаров «Светоч», производившей тетради, альбомы для рисования, черчения, записные книжки, блокноты, календари и т. д., недолго в типографии и на Государственной фабрике канцелярских принадлежностей «Союз» им. Л.Б. Красина:

1931.1.1 Гос. ф-ка Светоч, зачислен бухгалтером-экономистом
1931.II.1 По окончании испытания назначен экономистом
1934. Назначен старшим экономистом
1935.Ш.28 Уволен по собственному желанию
1935.V.25 Принят в типографию им. Евгении Соколовой
в должности экономиста
1935.V.25 Ш печатный цех, экономист
1936.VШ.13 Уволен за переводом на з-д Союз

З-д «Союз» им. Красина
1936.VШ.16 Зачислен в Первый цех в качестве Зав.П.Р.8
1937.II.1 Переведён экономистом-плановиком.

На этом записи обрываются. В 1941-м жители Ленинграда массово поднялись на защиту родного города. Отражать это в трудовых книжках было некому и некогда.

Не был Яков Хенкин инженером – ни по образованию, ни по опыту работы.

Яков Хенкин. Один из последних портретов.
© Ольга Маслова-Вальтер

Фотоснимки Якова Хенкина – бесценная летопись предвоенного Ленинграда. Многие страницы этой летописи посвящены спорту. Поклонники петербургской футбольной команды «Зенит» увидят в ней кадры первых выступлений любимой команды, узнают первых футболистов, выступавших в её составе, узнают судей, судивших первые матчи. Узнают спортсменов, выступавших в других видах спорта. Увидят спортсменов на тренировках.

Фотографии демонстрировались в Эрмитаже

Высказано предположение, что спортивные снимки Яков Хенкин делал по заказу парткома. Мне, человеку, знакомому с партийной «кухней» изнутри это предположение кажется нелепым.

30-е годы – годы индустриализации и борьбы с «врагами народа», якобы старающимися сорвать индустриализацию. У каждого предприятия грандиозные планы строительства, перевооружения, создания новых производств. Все усилия коллектива должны быть подчинены выполнению этих задач. Задача парткома – мобилизация коллектива на выполнение планов пятилетки. Пятилетку – в четыре года! Вперёд, не отвлекайтесь!

Кто-то, возможно, пожмёт плечами: дескать, какое отношение имеют к индустриализации канцелярские принадлежности? Имеют, и самое прямое. Индустриализация – это не только строительство металлургических гигантов или нефтеперерабатывающих заводов. Это их проектирование, это подготовка кадров проектировщиков, строителей и персонала заводов. Огромную полуграмотную страну усадили за парты, и без канцпринадлежностей в невиданных ранее количествах никак не обойтись. Не только карандашей и ручек, но и специальных принадлежностей, которых в России отродясь не производили, а подчас и в глаза не видели. Можно, конечно, закупать заграницей в обмен на зерно, но страну и без того уже довели до голода. Не будет канцпринадлежностей – не будет и индустриализации.

В парткомах – руководители предприятий и лучшие специалисты и рабочие. Цвет партии и народа – с дореволюционным стажем, прошедшие царские тюрьмы, революцию и Гражданскую войну. Люди бескорыстные, всего себя отдающие благу народа. Я рассказывал в своих книгах о таких людях из числа наших родственников: Иосиф Брагинский, Яков Гугель, Аркадий Тарханов, Эзрий Иоффе… – люди, достойные всяческого уважения. Сколько таких, как они – наша страна богата на ярких людей. И в тех же парткомах – люди, разжигающие пожар репрессий, насаждаемый сверху. Их немного, но они очень влиятельны. Это их усилиями преследуют тех, лучших.

В молодости мне довелось быть членом парткома предприятия и участвовать в различных семинарах и совещаниях, нацеливающих парткомы на выполнение их обязанностей, но это была уже совсем другая эпоха – 60-70-е годы.

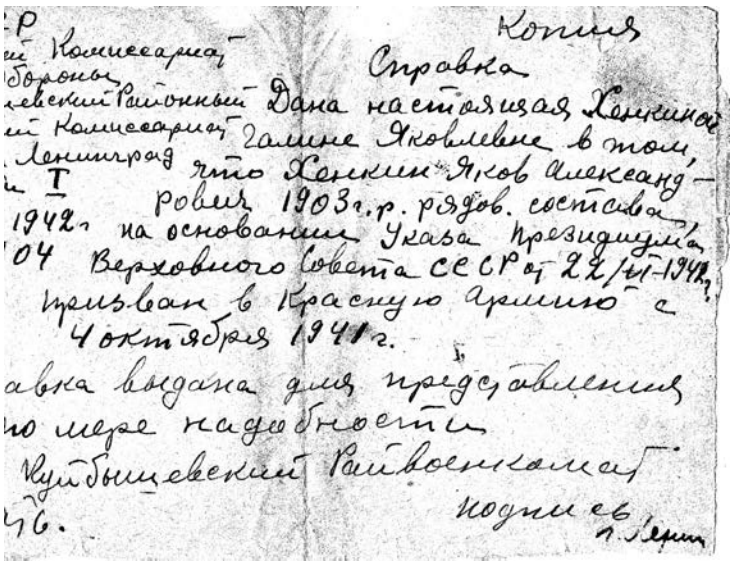
Я совершенно не могу себе представить, чтобы партком предприятия, производившего канцпринадлежности, заказывал кому-либо спортивные снимки, подобные фотографиям Якова Хенкина. Не их это дело! Да и знали ли в этом парткоме, что их экономист что-то там подпольно снимает? Был ли Яков Хенкин настолько наивен, чтобы не понимать, насколько опасно для него,

чтобы в парткоме знали о его увлечении? В атмосфере всеобщей подозрительности запросто могли обвинить в шпионаже. Снимал для какого-то спортивного издания? Никаких свидетельств этому пока нет – ни документов, ни публикаций. Думается, что дело обстояло проще: Яков снимал для себя. Снимал то, что ему интересно, а спорт его, недавнего активного спортсмена, естественно, очень интересовал.

Как погиб Яков Хенкин

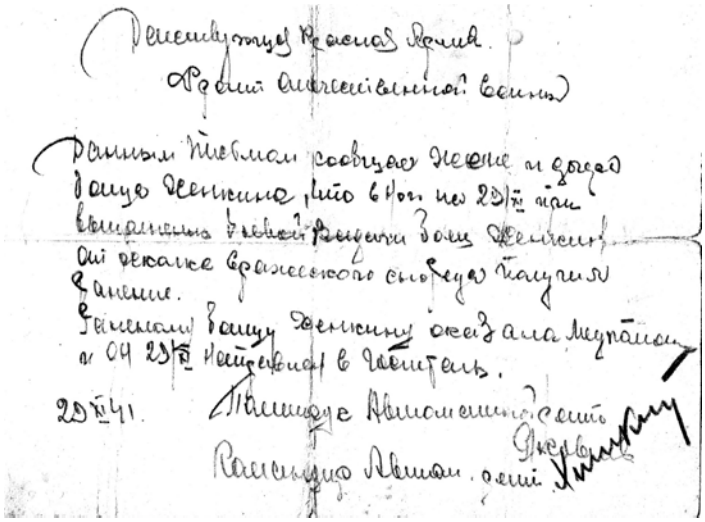
Родственники Якова Хенкина затратили немало усилий, чтобы установить обстоятельства его смерти и место погребения.

Составители выданных им справок путались в датах, в номере госпиталя, где умер Хенкин, и ничего не объясняли. Приведу только ту информацию, которую удалось извлечь из этих документов.

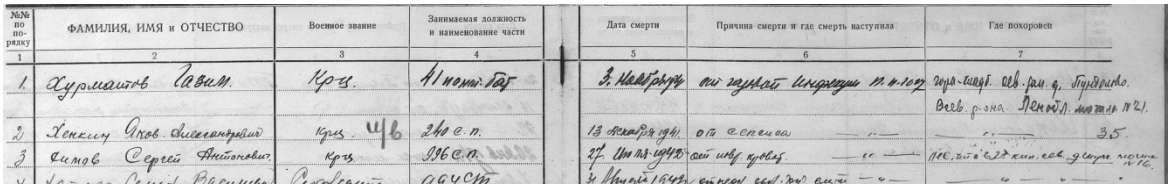

Копия
Справка
Дана настоящая Хенкиной Галине Яковлевне в том, что Хенкин Яков Александ-рович 1903 г.р. рядов. состава на основании Указа президиума Верховного Совета СССР от 22/VI-1941 г. призван в Красную Армию с 4 октября 1941 г.
Куйбышевский Райвоенкомат

Несмотря на негодность к строевой службе из-за слабого зрения, Яков 4 октября 1941 г., когда положение Ленинграда критически осложнилось, ушёл добровольцем в Красную Армию – на защиту Ленинграда. Эта дата названа в нотариально заверенной копии справки.

Боец Хенкин получил ранение от осколков вражеского снаряда «при выполнении боевой задачи» 29 ноября 1941 года. Раненому оказана медпомощь, и он 29.XI направлен в госпиталь:



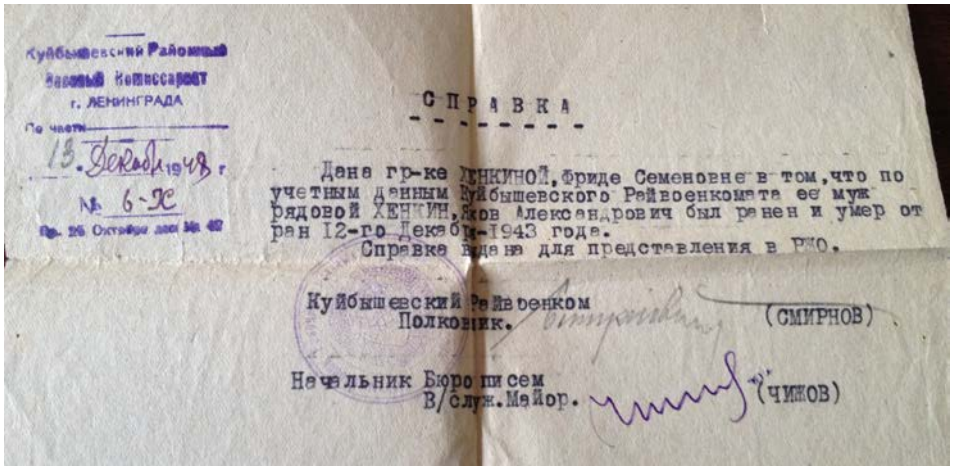
Как следует из Алфавитной книги умерших 627-го полевого передвижного госпиталя, Яков Александрович Хенкин скончался 13 декабря 1941 года от сепсиса [28]:



№№ по порядку	ФАМИЛИЯ, ИМЯ и ОТЧЕСТВО	Военное звание	Занимаемая должность и наименование части	Дата смерти	Причина смерти и где смерть наступила	Где похоронен
1	2	3	4	5	6	7
1.	Курмаитов Гавим.	Кр-ц.	41 полев. гат	3. Ноября 194[illegible]	от газовой инфекции т.п.	гора-кладб. сев.-рем. д. Пудолово. Всев. р-она. Ленобл. могила № 21.
2	Хенкин Яков Александрович	Кр-ц.	4/6 204 с.п.	13 декабря 1941	от сепсиса	— " — 35.
3	Фимов Сергей Антонович	Кр-ц.	196 с.п.	27 [illegible] 1941	от инф. кровеб.	— " — [illegible]
4	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Согласно донесению Управления тыла 8-й армии Волховского фронта № 38138 от 28.09.1943 (т.е. составленному 2 года спустя) о безвозвратных потерях, красноармеец Яков Александрович Хенкин 1903 г.р., призванный Куйбышевским РВК г. Ленинграда, воевал в составе 204-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии. Умер от ран 12.11.1941, захоронен: кладбище с/з д. Пундолово Всеволожского р-на, могила № 35 [30].

В справке Куйбышевского райвоенкомата Ленинграда названа ошибочная дата смерти 12 декабря 1943 года:



Куйбышевский Районный Военный Комиссариат г. ЛЕНИНГРАДА

По части

13. Декабря 1943 г.

№ 6-Х

Пр. 25 Октября дом № 42

СПРАВКА

Дана гр-ке ХЕНКИНОЙ, Фриде Семеновне в том, что по учетным данным Куйбышевского Райвоенкомата ее муж рядовой ХЕНКИН, Яков Александрович был ранен и умер от ран 12-го Декабря 1943 года.

Справка дана для представления в РЖО.

Куйбышевский Райвоенком
Полковник. (СМИРНОВ)

Начальник Бюро писем
В/служ. Майор. (ЧИЖОВ)

Самой достоверной, видимо, следует считать дату 13 декабря 1941 г.

«Согласно правилам, доставка раненого в полевой госпиталь не должна была превышать шести часов» [31]. Хенкина доставили в госпиталь спустя 1.5 суток после ранения. Зимой, в условиях не боя, а боевой подготовки. Возникает вопрос: как это могло случиться? И что это за госпиталь, в котором раненый, пролежав 13 дней, погиб от сепсиса? Попробуем понять. Конечно, конкретные реалии уже не воссоздать – свидетелей не осталось. Однако знание общей ситуации позволяет достаточно уверенно восстановить происшедшее.

13 сентября 1941 года фашисты окружили Ленинград. Началась 872-дневная блокада с ежедневными обстрелами, голодом и массовой гибелью людей. Продолжались крупные поражения Красной Армии, потеря огромных территорий, самых густонаселённых и промышленно развитых, массовая эвакуация предприятий, учреждений, гуманитарная катастрофа – бегство миллионов мирных жителей от войны, угроза Москве.

10-я стрелковая дивизия и 204-й стрелковый полк в её составе – подразделения Красной Армии с большой историей. Созданные в 1922 году, они принимали участие в 1939 году в Польском походе, в июне 1940 года участвовали в присоединении Литвы к СССР, в Финской войне. 22 июня 1941 года полк встретил на границе, 19 июня получив и выполнив приказ о приведении в полную боевую готовность. Это позволило ему на сутки

задержать на границе немецкие войска, но они, имея многократное превосходство в живой силе и технике, всё же прорвали фронт. Дивизия защищала Таллин, Пярну и Ригу, отходя с боями к Ленинграду, теряя людей и технику.

В октябре 1941 г., когда Я. Хенкин в числе других необученных и необстрелянных новобранцев поступил на пополнение дивизии, она вела тяжёлые оборонительные бои на южных подступах к Ленинграду, защищая Петергоф. Сильно поредевшую и отрезанную от остальных частей Волховского фронта 8-ю армию, в составе которой была 10-я стрелковая дивизия, отвели в Ленинград на очередное пополнение, после чего направили на восточные рубежи обороны, к Невской Дубровке. С 7 ноября 1941 года управлению 8-й армии были подчинены войска расформированной Невской оперативной группы, и в ноябре 1941 – январе 1942 года армия вела оборону правого берега Невы от устья реки Тосна до берега Ладожского озера и бои за удержание и расширение плацдарма у Московской Дубровки. В армии на январь 1942 года насчитывалось всего 12 500 человек.

20 ноября 1941 г. 10-я стрелковая дивизия переброшена в Невскую Дубровку, имея в составе около 9000 человек. До 30.11.1941 она занималась боевой подготовкой, после чего предприняла первую безуспешную попытку переправы на левый берег Невы с целью прорыва блокады Ленинграда. В течение 1941 года безуспешно пыталась переправиться 10 раз, потеряв около 6000 человек.

Именно в ходе боевой подготовки в ночь на 29 ноября Яков Хенкин был ранен в колено осколком вражеского снаряда и 29 ноября отправлен в 627-й полевой передвижной госпиталь (ППГ), куда доставлен 30 ноября [32].

Сепсис – тяжёлое заболевание, развивающееся при распространении инфекционного процесса по организму через кровь. Без лечения неизбежно приводит к смерти. Чаще всего встречается хирургический сепсис. Причинами его бывают осложнения различных хирургических гнойных заболеваний или повреждений (раны, ожоги). «В годы войны раненые умирали чаще от заражения крови» [33].

У Советского Союза не было опыта организации медицинской помощи раненым и больным в таких больших масштабах. В предвоенный период не было создано полевой военно-медицинской организации. Не было необходимого количества медицинских учреждений, медицинских работников, лекарств, перевязочных материалов, транспорта. Всё это создавалось на ходу в крайне неблагоприятных условиях [34]. Расположенный под Минском фронтовой склад, в котором хранилось до 400 вагонов медикаментов и оборудования, был захвачен противником. Стремительное наступление немцев привело к тому, что на Западном и Юго-западном фронтах остались в строю 15% медучреждений. Безвозвратные потери врачебного и среднего медицинского состава в 1941–1942 гг. составили 11,5 тыс. человек. Потери санинструкторов и санитаров составили 22 217 человек. На Западном фронте за этот период без вести пропало 90% врачей [35].

Как под Ленинградом была организована доврачебная помощь раненым [36]: «В каждой батарее, роте имелся санинструктор. Он оказывал первую помощь раненым, осуществлял санитарный контроль над питанием, проводил профилактические мероприятия по сохранению здоровья личного состава. В дивизионах и батальонах работали штатные фельдшеры. На них возлагалась задача по оказанию доврачебной медицинской помощи и эвакуации раненых из рот и батарей. Фельдшер батальона (дивизиона) отвечал за медицинское и санитарно-профилактическое обеспечение

личного состава. В полках медицинское обеспечение осуществлялось старшим врачом полка. Имелся медицинский пункт с персоналом медработников. В армиях и на фронте имелись армейские госпитали (лазареты) и госпитали фронта. (Вероятно, это – идеальная картина, а что было в недоукомплектованном полку?).

В неимоверно сложной обстановке блокады, особенно в самые тяжёлые месяцы осени и зимы 1941-1942 гг. в медицинских учреждениях отсутствовали самые элементарные условия человеческого быта – тепло, свет, вода. Нормы продовольственного обеспечения в госпиталях снижались трижды. В госпитали для питания раненых осенью и начале зимы 1941 г. В основном поступала ржаная мука, которая заменяла все крупы и макароны. Крайне недостаточно в рационе питания было овощей».

«Было совсем плохо с едой. Супы выглядели мутной водичкой с двумя-тремя ломтиками картошки на солдатский котелок. Сахару выдавали по кусочку на день, хлебная норма снизилась до ста пятидесяти граммов.

К общей фронтовой беде – ранениям прибавились истощение и обморожение. В те дни появился термин «кахексия» (сильное истощение, сопровождающееся голодными поносами). Это заболевание в промёрзших землянках и блиндажах без горячей пищи было страшнее ран. А если ещё прибавлялось и ранение, то наступало тяжёлое полуобморочное состояние. Лечение таких больных затягивалось и часто кончалось смертельным исходом» [37].

Санитар, эвакуировавший раненого, мог только перевязать рану. В какой «госпиталь» был отправлен Яков Хенкин? В составе 10-й стрелковой дивизии был 111-й медико-санитарный батальон [38], (штатная численность на 1941 г. – 253 человека [37]). Видимо, к началу блокады Ленинграда медсанбаты сменили ППГ, выполнявшие практически те же функции.

«За редким исключением, медсанбат – это палатки. Душная жара летом, холод, несмотря на печи, зимой. Стены и пол закрываются стерильными простынями. Операционные столы – роскошь. Гораздо чаще раненых оперируют на носилках, уложенных на козлы… Рабочий день хирурга… теоретически составлял 16 часов в день. Иногда – под бомбёжкой или под обстрелом. Без выходных. Бывало, что работали больше 16 часов – от потока раненых зависело. Могли работать без сна двое-трое суток» [39].

«Во время ожесточённых боёв в полевой госпиталь поступало около 500 раненых. Ввиду этого пришлось пойти на сокращение объёма хирургической помощи. В отдельных медсанбатах оперировалось только 12–14 процентов раненых, требовавших хирургического вмешательства» [31].

Три хирурга в медсанбате – роскошь, чаще всего обходились двумя, которые работали, пока были ещё в состоянии стоять на ногах.

Хенкин наверняка был не единственным пострадавшим при обстреле ночью 29 ноября, а темнота осложняла поиск раненых. Не успели собрать и доставить в госпиталь этих, как туда хлынул мощный поток раненых при неудавшейся попытке форсирования Невы 30 ноября. А за ним ещё 9 попыток в течение декабря.

Раненый в ногу Хенкин не был в числе тех, кто в первую очередь становился пациентом хирурга – сначала оперировали раненых в голову и брюшную полость. Да и когда привозят раненого майора, вряд ли заставляют его ждать, пока прооперируют всех ожидающих солдат. Хотя бы потому, что подготовить нового майора значительно сложнее, чем солдата. Часто проще вернуть в строй этого.

Ни о какой дополнительной эвакуации раненых из ППГ не сообщается. Вероятнее всего, для этого не было ни оперативной возможности, ни транспорта. Пундоловское кладбище, где похоронен Яков Хенкин, находится в Заневском поселении – северо-восточнее Ленинграда, вблизи Ладожского озера. Как раз в тех местах, где он был ранен. Сколько времени Яков Хенкин ждал

хирургической помощи и дождался ли её, мы не знаем. Знаем, что он умер не от ранения колена, а от сепсиса, предотвратить который в ППГ не смогли. Не стоит обвинять в этом медиков, работавших за пределами человеческих сил и возможностей.

Да, слишком долго раненый Яков Хенкин ждал первой медпомощи. Мы не знаем, какие обстоятельства привели к этому. Но сколько воинов так её и не дождались, сгинули, пропали без вести, и у их потомков нет дорогих могил, которым они могли бы поклониться. До сих пор волонтёры ищут и находят останки в местах боёв, и лишь единицы из них удаётся идентифицировать.

Под Ленинградом шли кровавые бои, в которых погибли десятки тысяч защитников города. Такие ребята, как Хенкин, своими телами заслонили город и отстояли его.

Вечная им слава!

Только летом 2017 года Ольга Маслова-Вальтер и Денис Маслов сумели найти могилу своих деда и прадеда. Братская могила № 35 на Пундоловском кладбище – это 6 плит с именами погибших и памятник лётчику Герою Советского Союза лейтенанту Н.Х. Ржавскому, погибшему 07.12.41. Плита с именем Я.А. Хенкина – 4-я слева из 6:

Часть братской могилы № 35 на Пундоловском кладбище. Фото Дениса Маслова

Плита с именем Я.А. Хенкина (9-е сверху в правом столбце) на братской могиле № 35. Фото Дениса Маслова

История гибели Якова Хенкина типична для Великой Отечественной войны, стоившей жизни 27 миллионов наших граждан. Пусть не все такие Хенкины стали героями, но без них не было бы Победы, не освободили бы Землю от фашистской заразы. Пусть помнят об этом люди, несмотря на усилия тех, кто норовит переписать историю и украсть Победу у России. Пусть знают те, кто лелеет мечту разрушить Россию и поработить её народ: на защиту Родины встанут даже полуслепые Хенкины. Встанут и отстоят её свободу. Даже ценою собственных жизней.

Фрида Хенкина, жена Якова

Фрида Семёновна Хенкина, урождённая Файн – любовь, жена, мать единственной дочери и муза Якова Хенкина, которую он снимал многократно.

Отец Фриды – Семён Александрович (Шимон Александрович-Лейзерович) Файн в предреволюционном Ростове проживал в собственном доме (улица Дмитровская [Шаумяна], 8), владел немалой недвижимостью в самом центре города: Б. Садовая, 48 (мельничное строительство и оборудование, техническая контора – совместно с А. Деллингером), Мало-Садовая, 62 (торговля готовым платьем), угол Темерницкой и Казанского переулка (горчица), ул. Московская и Казанский переулок, 95 (уксус). Московская, 116 (общество вспомоществования учащимся прогимназии Беловальского) [40].

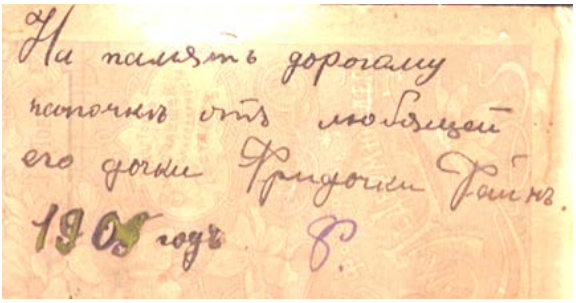
Яков Хенкин. Весеннее настроение. Фрида. **Семён Александрович Файн**

© Ольга Маслова-Вальтер

После окончания Гражданской войны он арендовал (совместно с Элькиным) Маслобойный завод № 8, на котором в 1923 году некоторое время работал Яков Хенкин.

Скорее всего, все ростовские предприниматели-евреи до революции знали друг друга, в том числе были знакомы и Шимон Файн с Александром Хенкиным.

Конечно же, нас с Ольгой заинтересовала родственная связь меня с Фридой. Родственники или однофамильцы? Помогла фотография из семейного альбома Хенкиных:



Фрида Файн с бабушкой – Рохлей Гершевной Файн (1852-1917). © Ольга Маслова-Вальтер

У моего прапрадеда Герша Лейбовича Файна (1819-1892) была дочь Роха (1852-1917). Несомненно, что Рохля и Роха – это одно лицо. Дед Фриды, Александр-Лейзер Мовшевич Файн, был женат на Рохе Гершевне Файн – не просто на однофамилице, а на родственнице (все они – мещане из литовского местечка Видукле, где жили несколько родственных семей Файн). Подобных случаев было немало – всеми нелюбимые и гонимые, евреи тогда традиционно жили обособленно и не допускали браков с не единоверцами. Мой прапрадед Герш Лейбович Файн был также и прадедом Фриды Хенкиной. Родство доказано документально – метрическими записями.

Яков Хенкин с женой и дочерью. Ленинград. Фотография демонстрировалась в Эрмитаже

Фрида Семёновна Хенкина была домохозяйкой: каких-либо следов её профессиональной деятельности не осталось. Потеряв мужа, оставшись в 37 лет с 15-летней дочерью на руках в очень тяжёлое время, она выживала, как могла, с помощью случайных заработков. Как вспоминает Ольга, она, в частности, торговала газированной водой на Невском. «Помню, когда я была в Ленинграде, минуты счастья от возможности пить сколько угодно воды с двойным сиропом».

Фрида прожила 80 лет и ушла из жизни в 1984 году.

Фрида Хенкина сохранила фотосокровище своего мужа, и История должна быть ей за это благодарна.

Софья Хенкина

Сестра Хенкиных. Разделила с ними самый трудный для семьи период жизни – после гибели родителей. Человек, очень близкий братьям по духу, по мироощущению. Если скромный совслужащий Яков Хенкин был в довоенном Ленинграде малозаметной личностью, то Софья Александровна выросла после войны в человека, очень известного в творческой среде, что свидетельствует о большом потенциале Хенкиных. Судьба не дала Евгению и Якову возможности реализовать свой потенциал.

Знаменитый артист Владимир Хенкин оставил своей 9-летней племяннице в 1915 году такое посвящение:

© Ольга Маслова-Вальтер

Возможно, артист выступал на своих первых концертах с этим шуточным переложением известной басни Крылова «Стрекоза и муравей» [41].

Мы не знаем, где и как училась Софья Хенкина – документы в семье не сохранились. Обстановка явно не способствовала усвоению твёрдых знаний. Вероятно, поэтому попытка учиться в Донском (Ростовском) университете закончилась для неё неудачей:

Из зачётки студентки экономического отделения факультета общественных наук Донского университета Хенкиной Софии Александровны:

«Поступила вначале на естественное отделение физико-математического факультета Донского университета в 1923 году, в том же году перевелась на экономическое отделение факультета общественных наук Донского университета. За время учебы на 1 курсе сдавала 16 экзаменов. Получила 13 двоек и 3 четвёрки. Уволена из числа студентов 25-06-1925» [42].

Не смейтесь над 19-летней девушкой, в 13 лет оставшейся без родителей. Её школьные годы пришлись на самое смутное время: в 1914-м ей было 8, в 1921-м – 15. Это та самая Софья Александровна Хенкина, которая 40 лет проработала в ленинградском журнале «Звезда», в том числе зав. редакцией. Тупые бездари на таких местах не задерживаются.

Фрида, Галина и Софья Хенкины
© Ольга Маслова-Вальтер

Найти своё место в Ростове Софья не смогла: в 1926-29 гг. оставалась безработной, лишь 3 месяца в 1926 г. проработала в милиции. В 1929-31 гг. трудилась машинисткой в библиотечном коллекторе. 1 ноября 1931 года она вслед за семьёй брата Якова приехала в Ленинград, где по существу и началась её трудовая деятельность:

1931-1934 – антиквариат, зав. канцелярией.
1934-1936 – Литературный фонд, секретарь отдела обслуживания.
1937-1938 – секретарь композитора И. Дунаевского.
1938 – учебный комбинат, готовящий продавцов книжных магазинов, секретарь учебной части.
1939-1941 – редакции журналов «Звезда» и «Ленинград».

Нетрудно догадаться, как Софья Хенкина попала к Исааку Дунаевскому (1900-1955). Владимир Яковлевич Хенкин (1883-1953) восторгался Дунаевским со времени их знакомства в Харькове в 1922 году. В 1924-м Хенкин, тогда уже прославленный артист, вытащил Дунаевского в Москву, ввёл его в круг артистов (и заядлых преферансистов, способных весь отпуск провести за картами, не выходя из комнаты) и всячески способствовал его карьере [43]. Исаак Дунаевский стал в СССР одним из самых знаменитых советских композиторов. Не было в стране людей, которые не знали и не любили его песен, не видели кинофильмов, музыку к которым он написал: «Весёлые ребята», «Дети капитана Гранта», «Цирк», «Моя любовь» и другие. На яркой и оптимистической музыке Исаака Дунаевского воспитывались целые поколения советских людей.

Софья Хенкина и Исаак Дунаевский. © Ольга Маслова-Вальтер

С началом войны Софья Хенкина служила в действующей армии – старший лейтенант, секретарь прокуратуры 54-й армии, 6-й Морской бригады, 198-й дивизии Волховского фронта, 8-й армии Ленинградского фронта (той самой армии, где воевал её брат Яков). В блокадном 1941-м году ей удалось продовольственными посылками поддержать семью брата Якова, пока их не эвакуировали по льду Ладожского озера. Демобилизована в ноябре 1945 года.

Считается [44], что Софья Хенкина была первой женой известного писателя Юрия Павловича Германа (1910–1967), который в 1938–1951 гг. (кроме военных лет) работал зав. отделом прозы журнала «Звезда». Однако действительно ли она была первой? Ю.П. Герман прибыл в Ленинград из Риги в 1929 году, а Софья приехала в Ленинград из Ростова-на-Дону 1 ноября 1931 года и в 1928–1930 гг. никак не могла быть его женой. В 1930–1936 гг. Герман был женат на Людмиле Владимировне Рейслер, и от этого брака в 1933 г. родился сын – искусствовед Михаил Юрьевич Герман. С 1936 г. женой Ю.П. Германа была Татьяна Александровна Риттенберг, их сын – кинорежиссёр Алексей Юрьевич Герман (1938–2013). Ю.П. Герман и С.А. Хенкина могли встретиться в редакции журнала «Звезда» не ранее 1939 г., так что для Ю.П. Германа это был не первый, а, скорее, третий брак.

После войны, с февраля 1946 по 1979 г. Софья Александровна работала в журнале «Звезда» секретарём редакции, затем заведующей редакцией. Начало этой работы было омрачено пресловутым постановлением оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», принятым 14 августа 1946 года. В нём острой критике подвергнуто творчество Зощенко и Ахматовой. По словам А.А. Жданова, Зощенко изобразил «людей и самого себя как гнусных похотливых зверей», а творчество Ахматовой А.А. Жданов расценил как «поэзию взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной» [45]. В лавине критических материалов досталось многим, включая газету «Ленинградская правда», напечатавшей «подозрительно хвалебную» статью писателя Юрия Германа о литературной деятельности Зощенко, и Аркадию Райкину, исполнявшему рассказы Зощенко с эстрады. Лишь в 1988 г. Политбюро ЦК КПСС

признало постановление 1946 года ошибочным и отменило его. С.А. Хенкина ещё успела об этом узнать: она ушла из жизни в 1994 году.

☼

Братья Хенкины… Как мало времени им было отпущено судьбой! Как мало они успели. И как много успели эти талантливые люди. Нужно низко поклониться Ольге Масловой-Вальтер за то, что она сохранила и открыла миру их имена и их творчество.

Это только предварительный рассказ о Хенкиных, их жизни и удивительном наследии. Рассказ человека, которому довелось всего лишь прикоснуться к теме, нуждающейся в глубоком исследовании специалистами – искусствоведами, историками. Для истории важны все фотоснимки, хранящиеся в семейном архиве Ольги, независимо от того, кем они сделаны – братьями Евгением и Яковом Хенкиными или кем-то ещё. Достоянием общественности стали пока очень немногие из них. Примечателен девиз, под которым в отлично изданном каталоге выставки [11] опубликованы 135 снимков из 142 выставлявшихся в Эрмитаже:

«Не фотография в газете, а фотография в семейном альбоме – вот исходный материал для воссоздания прошлого» (Л. Карахан).

Каталог выстави в Эрмитаже

Документы эпохи, они наверняка будут экспонироваться и на других выставках. Будут публикации снимков, которых никто ещё не видел. Искусствоведы опубликуют научные работы, возможно, защитят диссертации. Ещё далеко не закончены исследования биографий представителей этого замечательного семейства, к ним ещё подключатся историки. Надеюсь, будут рассекречены документы о Евгении Хенкине, хранящиеся в архивах ФСБ. Появятся экспозиции, посвящённые жизни и деятельности Хенкиных. Ольга намеривается сама написать книгу о Хенкиных, и она наверняка будет встречена с большим интересом. Тысячи людей прочитают и задумаются о том, какие клады могут храниться в их семейных архивах. Они должны быть обнародованы – ради сохранения подлинной истории нашей страны, ради её счастливого будущего. Ради сохранения мира и спокойствия людей во всём мире.

Литература

[1]. В.Я. Файн, С.В. Вершинин. Таганрогские Сабсовичи и их потомки. Опыт генеалогического исследования. М.: издательство Триумф, 2013 – 280 с. https://books.google.ru/books?isbn=5893925688.

[2]. Валентин Хенкин. Будёновец, хирург, художник… Воспоминания. Предисловие и комментарии Евгения Хенкина – berkovich-zametki.com›Nomer24/Henkin1.htm.

[3]. Выставку «Братья Хенкины: открытие. Люди Ленинграда и Берлина 1920–1930-х годов» в Эрмитаже включили в топ-10 мировых выставок лета – spb.kp.ru›Новости›news/2807063 (2017).

[4]. Документальный фильм «Профессия: смехач. Владимир Хенкин», режиссёры Виктор Спиридонов, Александр Шувиков, производство ГТРК Культура, 2016 г. – omn-omn-omn.ru›details.php?id=562114.

[5]. Художник Исаак Израилевич Бродский. Картины – svistanet.com›hudozhniki-i-art…i…isaak…brodskij…

[6]. Петербург. Художественная жизнь 1900-1916. Фотолетопись – Издательство «Искусство-СПб», 2001 г.

[7]. Презентация новой книги Александра Китаева – artpeterburg.com›?p=279.

[8]. Henkin Brothers Archive. Архив Братьев Хенкиных – ru-ru.facebook.com›HenkinBrothers/.

[9]. Дмитрий Конрадт / Фотографы – photogeek.ru›Фотографы›Дмитрий Конрадт.

[10]. Дмитрий Конрадт. 7000 кадров Ленинграда и Берлина 30-х годов – paperpaper.ru›dw/henkiny/.

[11]. Братья Хенкины: открытие. Люди Ленинграда и Берлина 1920–1930-х годов. Каталог выставки – Издательство Государственного Эрмитажа, 2017, тираж 1000.

[12]. Озерков, Дмитрий Юрьевич – Википедия, ru.wikipedia.org›Озерков, Дмитрий Юрьевич.

[13]. Дмитрий Озерков. «2 Хенкин 2». Мы показываем выставку частных фотографий, приоткрывающую личный взгляд на мир – kniga.lib-i.ru›…1…2…pokazivaem-vistavku-chastnih…

[14]. На карте отмечены 15 локаций, которые встречаются на снимках Якова Хенкина – KudaGo.com›spb/news/v-glavnom-shtabe-ermitazha/

[15]. Кира Долинина. Фотографический клад – Газета "Коммерсантъ" №117 от 01.07.2017, стр. 4.

[16]. В Главном Штабе началась выставка «Братья Хенкины: открытие. Люди Ленинграда и Берлина 1920-1930-х годов» –https://kudago.com/spb/news/v-glavnom-shtabe-ermitazha/.

[17]. Павел Герасименко. Снимки и судьба – arterritory.com›ru/teksti/recenzii/6808-snimki_i_…31/07/2017.

[18]. Артём Чернов. Утопить айфон Мандельштама – les.media›articles/859192-mimo-smysla.

[19]. Станислав Савицкий. Стартап и тизер. Фотоархив братьев Хенкиных представлен в Эрмитаже – Деловой Петербург, 7 июля 2017, jenkers.com›ru#!t=15174288.

[20]. Татьяна Вольтская. Вода в кувшине – Радио Свобода https://www.svoboda.org/a/28685848.html, 25 авг. 2017 г.

[21]. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), фонд 72, опись 1, дело 50, лист 29, №72.

[22]. Постановление Совета украинской трудовой армии № 8 25 февраля 1920 года. Марксизм и современность. 2003. № 1–2. С. 15. e-reading.club›chapter.php/97863/69/Stalin_17_Tom…

[23]. М.А. Гонтмахер. Евреи на Донской земле. Издание второе, исправленное и дополненное, Ростов-на-Дону, 2005 – www.e-reading.club/bookreader.php/.../Gontmaher_-_Evrei_na_Donskoii_zemle.pdf.

[24]. Евгений Хенкин. Фрагменты биографии отца (с 1939 по 1978) – berkovich-zametki.com›Nomer26/Henkin1.htm.

[25]. Д.В. Соколов. Забытые успехи советской электронной музыки 1920—1930-х годов – http://d-v-sokolov.livejournal.com/758526.html.

[26]. Гении и злодеи. Лев Термен. Соло для электричества... Документальный фильм – dokumentalkino.net›…lev…solo-dlya-elektrichestva (2016).

[27]. Петр Термен .В Америке он стал миллионером – jewish.ru›ru/interviews/articles/184202/ (27.10.2017).

[28]. Ленинградский мартиролог, 1937-1938. Том 7. Январь 1938. СПб: Издательство Российская национальная библиотека, 2007.

[29]. Татьяна Курносенко. Мемориальное кладбище "Левашовская пустошь" – http://fb.ru/article/352074/memorialnoe-kladbische-levashovskaya-pustosh-istoriya-spisok-rasstrelyannyih-kak-dobratsya (2017).

[30]. ЦАМО, фонд 58, опись 18001, дело 807 – poxoronka.ru›Форум›Всеволожский›…arm-28-09-1943-pundolovo.

[31]. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне – М.: Воениздат, 1978.

[32]. 10-я стрелковая дивизия – rkkawwii.ru›division/10sdf1.

[33]. Медицина в годы Великой Отечественной войны – lenarudenko.livejournal.com›Истории Кота Ученого

[34]. Военное милосердие (Военные медики в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.) – ahleague.ru›ru/?Itemid=204…161&option…view=article.

[35]. Опыт медицины в годы Великой Отечественной войны – historymed.ru›Кафедра›Мы помним›experience-medicine.

[36]. Анатолий Викторович Похилюк. Медицинское обслуживание воинов фронта и флота в условиях блокады Ленинграда. Вестник Череповецкого государственного университета – cyberleninka.ru›article…obsluzhivanie…v…leningrada.

[37]. Владимир Иванович Ходанович. Медсанбаты. Блокадные будни одного района Ленинграда - history.wikireading.ru›299669.

[38]. Боевые действия Красной Армии в ВОВ. 10 Стрелковая дивизия – bdsa.ru›strelkovye-divizii/4889-10-strelkovaya…

[39]. Медсанбаты в РККА – Традиция – traditio.wiki›Медсанбаты_в_РККА.

[40]. Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону. Харьков: издание Ф.С. Элькина и П.М. Кулькеса, 1914 – Весь Ростов 1914 л039.jpg.

[41]. Полный Чтецъ-Декламаторъ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫИ СБОРНИКЪ СТИХ0ТВ0РЕН1Й И РАЗСКАЗОВЪ, ПРИГОДНЫХЪ ДЛЯ ЧТЕН1Я СЪ ЭСТРАДЫ. Составилъ И.Д. ШЕМЯКИНЪ. тип. Л. БЕЛИНСКАГО и В. МАСЛЯНКЕВИЧА – Full text of "Polny chtets-deklamator..." – archive.org›stream/…/…_djvu.txt.

[42]. Архив РГУ. Фонд Р-46, оп. 5, дело 3441.

[43]. Дмитрий Минченок. Исаак Дунаевский, ЖЗЛ – М.: Молодая Гвардия, 2006: Красный Моцарт – litmir.me›br/?b=227164&p=15.

[44]. Юрий Павлович Герман – Википедия, ru.wikipedia.org›Герман, Юрий Павлович.

[45]. Как «забанили» Ахматову и Зощенко – vilavi.ru›Против течения›120106/120106.shtml.

Виктор Файн
vfain@mail.ru